

СО Д Е Р Ж А Н И Е

<p><u>ВСЕГДА ЛИ ВОЗМОЖНО ПРИБЛИЗИТЬСЯ К БОГУ?</u> </p> <p><i>Протоиерей Алексей Ладыгин – Павел Демидов</i> Наследство, которое не скудеет 3</p> <p><i>Протоиерей Андрей Ткачев</i> О покаянии 7</p> <p><i>Лариса Беляева</i> <i>Анкета «Лампады»</i> Скажите, пожалуйста... 8</p> <p><u>ЦЕРКОВЬ ЗЕМНАЯ</u></p> <p><i>Архивариус</i> В эпоху больших свершений: Евграф Молчанов и другие 10</p> <p><i>Татьяна Кольян</i> «Но чувство есть у нас святое...» 12</p>	<p><i>Александр Трифонов</i> Вершина отца Сергия 15</p> <p><u>ПРАВОСЛАВИЕ БЕЗ ГРАНИЦ</u></p> <p><i>Луиза Гладышева</i> Бог в помощь, отец Мирослав! 18</p> <p><u>СТРАНА СЛОВ</u></p> <p><i>Дмитрий Шеваров</i> Один среди немногих удерживающих 20</p> <p><u>МИР ВОКРУГ НАС</u></p> <p><i>Ирина Монахова</i> Ответ из глубины души 24</p> <p><i>Вадим Рутковский</i> Качи-Кальон: здесь можно пасть, а можно – подняться 27</p> <p><i>Василий Крюков</i> Немецкий сон 30</p>
---	--

**Храм иконы
Божией Матери «Знамение»
в Ховрине
lampada-press.ru**

Настоятель
протоиерей Георгий Полозов

Главный редактор
Павел Демидов

Елена Трубецкая (подписка,
распространение, реклама)

Верстка Иветты Бухаровой

Корректор Нина Орлова

Обложка: храм иконы Божией Ма-
тери «Знамение» в селе Дубровицы
Подольского района Московской
области

Адрес редакции:
125414, г. Москва,
ул. Фестивальная, 77а

Телефоны: (495) 453-9101
8-963-962-5575

www.znamenie-hovrino.ru

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-49478 от 24.04.2012 г.
Выход в свет 15.03.2015

Цена свободная

**Издается на добровольные
пожертвования**

Приход храма иконы Божией
Матери «Знамение» в Ховрине,
г. Москва

Тверское ОСБ 7982/1653 г. Москвы
Сбербанк России г. Москвы
ИНН 7712050269
р/с 40703810938080100250
БИК 044525225
к/с 30101810400000000225
КПП 774301001

Отпечатано
в ОАО «Можайский полиграфиче-
ский комбинат»
143200, Московская обл., г. Можайск,
ул. Мира, 93

Контактные телефоны:
(495) 745-84-28;
(49638) 2-06-85

Тираж 800 экз. Заказ № 0814
© Лампада, 2015

Наследство, которое не скудеет

Вера – это духовный генетический код, соединяющий поколения

– Может ли быть у человека все настолько безнадежно, что Бог для него становится недостижимым? Ответ я бы назвал очевидным, но очень непростым для исполнения. Например, благоразумный разбойник, да? Но каждому ли доступно такое? В момент наивысших страданий, когда ты весь сосредоточен на собственной боли. Где взять силы, чтобы разом оценить всю свою предыдущую жизнь, отречься от нее и подумать о своем будущем, которому, казалось бы, откуда взяться – ведь ты висишь пригвожденным к кресту?

– Вторая часть вашего высказывания мне кажется существеннее для постижения смысла главной темы. А он, этот смысл, заключен в следующем: как человек может прийти к Богу? Он приходит через то, что Господь открывает ему, «ибо без Меня не можете делать ничего» – это же слова Самого Христа (Ин. 15:5)! Так что пусть никто не помышляет, что он сам пришел. Господь избрал его. Гос-подь! Но не менее важно, чтобы человек ответил на этот призыв и, в свою очередь, приблизился к Богу.

– Вот-вот! Как это может выглядеть практически – приблизиться к Богу?

– В жизни любого человека есть моменты, которые делают Небо очень близким, даже если человек не живет благочестивой жизнью.

Батюшка убежден в этом настолько, что невольно задаюсь мысленным вопросом: «Как же я сам не додумался?!». Но прежде чем услышать от него это неожиданное откровение, нам предстоит поговорить о главной теме номера – «Всегда ли возможно человеку приблизиться к Богу?». За ответом я, собственно, и пришел сюда, в храм преподобной Евфросинии, Великой княгини Московской, в Котловке, где кандидат богословия протоиерей Алексей Ладыгин служит настоятелем.

Павел Демидов

– Как благоразумный разбойник?

– Не берусь проводить столь прямую аналогию. Скорее, в жизни этого несчастного было нечто, что дало ему возможность увидеть Свет Божий и Самого Бога.

– А чем конкретно это «нечто» могло бы быть?

– Прежде всего, добрыми делами. Всякий творящий добро, в любом народе приятен Господу, говорит Священное Писание. И уже одним этим он приближает себя к Небу. Так и на Страшном Суде: критерием праведности будут только добрые дела, совершенные по отношению к ближнему. Это, по сути, и есть разделить всех на овец и козлищ: одних Господь поставит по правую сторону, других – по левую. Первым скажет: «...алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня; был наг, и вы одели Меня; был болен, и вы посетили Меня; в темнице был, и вы пришли ко Мне» (Мф. 25:35–36). И дальше (Мф. 25:40) поясняет не только им, но – всем: «...так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали это Мне». Без добрых дел человеку невозможно приблизиться к Богу. Тем же, кто остался слева, достанется одно: идти в муку вечную.

– Вы говорите: Господь призывает каждого к Себе.

– Это говорит Священное Писание. Я только повторяю.

– Можно сказать, что тем самым Господь призывает человека к обожению?

– Можно. Поскольку Господь призывает каждого спастись, а спасение и есть восприятие образа и подобия Божия. Спасение – это состояние, в котором человек обретает вечность. А это возможно только через соединение с Самим Богом, то есть через обожение.

Но не надо обольщаться. Путь этот не так примитивен, как может показаться. Что бы человек ни делал, как бы ни жил и как бы ни заботился о своем спасении, все будет втуне без одного очень важного и главного таинства, которое Господь оставил нам, – таинства Евхаристии. Откройте Евангелие от Иоанна, главу 6, стихи 53 и 54: «Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь имеет жизнь вечную, и Я воскрешу его в последний день». Это значит, что человеку для спасения мало осознать, что Бог есть, – он должен войти в церковную жизнь. Без таинства Покаяния и без таинства Святого Причастия человеку невозможно прийти к вечности.

– Не зря апостол Иаков говорит, что бесы тоже веруют и даже трепещут. На этом их «вера» кончается. Церковная жизнь – это не их стезя. Применительно к человеку это означает: для спасения недостаточно быть просто внутренне порядочным, исповедовать определенные этические правила...

– Совершенно верно. Такой подход не спасителен. Почему? У каждого есть собственные представления и понимания. А они не могут быть спасительными, потому что каждый человек формирует эти представления и понимания под неизбежным воздействием собственного греховного разума, а он у каждого из нас по-своему греховен, то есть в каждом, особенно в последнее время, живет устойчивое возрастание своего «я». Но мы должны жить умом не своим, но Христовым. И мысли наши должны постоянно сопрягаться со Священным Писанием. То есть воспринимать и понимать веру не как я думаю, не как я хочу, а так, как дал ее нам Господь, так, какой Он оставил ее через Священное Писание, через святоотеческое понимание. Не каждый может понимать

Священное Писание сам, когда захочет. Человек, исполненный греха, не увидит того, что надо увидеть, он узрит совершенно другое, по-иному воспримет и поймет очевидное. Откуда, как вы думаете, берутся различные кривотолки и искажения, десятки «настоящих церквей»? Господь в Священном Писании говорит: «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят» (Мф. 5:8). Всего семь слов, но в них – ключ к постижению Бога! «Чистые сердцем» – это те, кто удостоился высоты духовной жизни, кто сделал себя ангелами здесь, на земле. Вот они-то и имеют право толковать Священное Писание. Следование их советам и толкованиям будет безусловно приводить нас ко спасению.

– **А нам самостоятельно правильно понимать Священное Писание мешает, надо полагать, наша первородная греховность, которую мы несем в себе?**

– Греховность – само собой, но еще больше мешает та часть нашей жизни, которую мы проводим вне Церкви. Вне Церкви, повторю, нет спасения, нет благодати Божией. Мы можем жить, казалось бы, правильной жизнью, а на деле она может обернуться совсем не правильной. Можем делать добрые по видимости дела, а в действительности они окажутся совсем не добрыми.

– **Например?**

– Возьмите те же бесчисленные развлечения, которыми перекармливает людей наше телевидение, да и другие средства массовой информации не отстают от него. «Поле чудес». Забава? Нет, развивает в человеке алчность, стремление как можно больше получить просто так. Развивает в одних гордость и самолюбование, в других – зависть.

– **В самом деле, такое впечатление, что люди наконец открыли, для чего они пришли в этот мир. Чтобы развлекаться, получать удовольствия, удовлетворять свои хотения.**

– Казалось бы, что дурного: ну, поразвлекется человек, посмеется... Является ли это в действительности добрым делом? Да ни за что! Все, что делается не ради Христа, делается ради себя, ради своей гордыни, стало быть, не является добрым делом. И здесь не может быть никаких компромиссов. Мы должны жить со Христом и жить во Христе, с правильным пониманием Священного Писания. Только тогда у людей все будет хорошо.

– **А как быть тем, кто дошел до самой нижней планки в своем бытии? Я не случайно задаю этот вопрос именно вам. Вы окормляете крупный московский наркологический диспансер. Там даже есть свой храм.**

– Господь может открыться человеку в любой момент, до какой бы планки тот ни дошел. Даже когда кажется: уже не подняться. Как это было, скажем, с блудным сыном. Он понял, что потерял облик человеческий, что в доме его отца и слуги живут лучше, а он, сын такого известного человека, богатого и благополучного, ест только со свиньями из одного корыта. Тогда только начался его подъем, его возрождение, тогда он стал преображаться, когда увидел себя во всей «красе».

– **Можно сказать, что у каждого свой путь из грязи в князи?**

– Если только это не путь в князисть. Туда дорога одна. А так кому-то нужно опуститься до самого дна, кому-то достаточно одного шага вниз, чтобы ему стало ясно, что его ждет. Вот и у нас в наркодиспансере и в наркобольнице есть люди, которые, казалось бы, дошли до последнего, отчаялись в своей жизни. Но когда они начинают общаться со священниками, у них появляется просвет, их душа возрождается, она стремится к Богу, ищет Его. Те, кто уже были крещены, возвращаются к Богу и становятся православными христианами. Но такое происходит и с теми, кто исповедовал другие религии: они хотят принять христианство, потому что Христос рождается в их сердцах, и они хотят быть ближе к Богу, ближе к Церкви. И многие из них ведь возрождаются и возвращаются к нормальной жизни, становятся церковными, духовными людьми, и для них открывается возможность спасения и обретения Царствия Небесного. У каждого человека свой путь. Эта истина известна практически каждому. Но не повторять ее нельзя. Нельзя принимать ее просто как привычное людскому уху сочетание слов. Потому что в ней заключено едва ли не самое главное зерно нашей веры. Это зерно – надежда на спасение, надежда, в которой Христос не отказывает никому. Представьте, что было бы, если для всех был бы один путь – как рельсы у трамвая. Стал на них и поехал напрямик в Царство Божие. А что делать тому, для кого именно эти рельсы не подходят? Впереди у него – мрак и никакой надежды. Но поскольку

у каждого действительно свой путь, значит, ищи его, пробуй, пытайся, дерзай. И – главное – не отчаивайся!

– **Что говорит ваш опыт? Есть люди, которые выходили из этого царства теней здоровыми?**

– Выходят здоровыми при условии хорошей реабилитации. А она включает не только медицинскую составляющую. Реабилитация обязательно должна проходить в среде духовной, церковной. Чтобы победить этот недуг, нужна внутренняя сила, благодать Божия. А она возможна только в Церкви, через участие в церковных таинствах.

Не случайно у нас в больнице проходят различные встречи, концерты, мы приводим туда знаменитостей. Например, Авраам Руссо, православный христианин, дает у нас ежемесячно бесплатные концерты. Значение таких встреч выходит далеко за рамки культурно-эстетические. Человек испытывает органическую потребность во внимании к себе. Именно поэтому здесь так опасно равнодушие. Люди видят: нас не считают пропавшими, мы им интересны, раз они к нам приходят. Этот же эффект достигается встречами с ветеранами, с блокадниками, с многодетными семьями. Это то, что мы можем сделать силами своего прихода. И они понимают: если нужно жизнь отдать, так отдать ее за Родину, а не за бутылку водки или дозу героина. А разве не действует пример чужой правильной жизни? Он – как мост в будущее, по которому может пройти каждый. Вот такого рода реабилитация, слово священника, таинства Покаяния, Святого Причастия – все вместе это и приносит результат. О процентах говорить не буду, потому что все по-разному бывает, но о чем можно сказать с уверенностью на все сто: мы даем человеку великую надежду на то, что его любят, ждут, что он может выйти из этого состояния и вернуться к нормальной жизни.

– **Но надежда – еще не уверенность.**

– Но надежда – и не обман. Куда опаснее и горше обмануться, и тогда это не исправить. А надежда – это, если хотите, билет только в один конец – вперед, у надежды нет заднего хода. Могу поделиться личным опытом. Людей, которые прошли реабилитацию, все равно подстерегает опасность рецидива, стоит им соприкоснуться с действительностью. Их хорошо бы отправить на годик-другой в монастырь.

– **А есть монастыри, готовые этих людей взять?**

– Есть. Я отправляю туда таких людей. Они живут иноческой жизнью, что и братия, – молитвы, послушания и все прочее, что положено иноку. Там человек возвращается к нормальному состоянию. И это тоже один из путей, который приводит человека к Богу. Это же вообще вопрос вопросов! – как человек приходит к Богу? Очень мало людей приходит к Богу благодаря своему пылливому разуму или оттого, что они встретили человека высокой духовности. Часто приводят к Богу скорби и потрясения.

– **Их принято считать наказанием Божиим.**

– Это не так. Когда человек находится в трудном состоянии, он преображается, меняется, он стремится быть ближе к Богу. Он ищет поддержку у Бога. Понимает, что все его могут оставить. Все, но не Бог. И помощь эта не абстрактна, она реальна. Господь сильно помогает человеку. И для человека открывается Бог, и он начинает жить с Богом. Он изменяется, он преображается. Так что это не наказание, а великая милость Божия. Тайна прихода человека к Богу велика, и она не совсем раскрыта в нашей жизни. Невозможно сказать: пойдешь вот этим путем – и все тебе откроется.

– **А почему не совсем раскрыта эта тайна? Разве тогда людям не легче было бы приходиться к Богу? И не легче ли было бы их приводить?**

– Человек – не животное, которое можно погнать палкой в нужную сторону и чтобы таким образом он оказался у ног Христа. Господь создал человека свободным, и его свобода проявляется во всем, в том числе и в выборе веры или неверия. Но Господь независимо от этого хочет, чтобы все спаслись. И мы опять возвращаемся к вопросу: а как это делает Господь?

– **Пути Господни неисповедимы?**

– Вот-вот! Именно – неисповедимы, то есть недоступны нам, грешным человекам. Их невозможно увидеть, пути Божии.

– **Поэтому, наверное, человек и должен стучать.**

– Господь стучит.

– **Стоит при дверях и зовет?**

– Однако мы не всегда отвечаем на этот призыв.

– **И как тут быть?**

– Ищите. Ищите прежде Царства

Небесного, а все остальное приложится вам. Ищите и обрящите. Человек должен искать Бога. Но для этого нужно внутреннее желание, а у нас его нет. Потому что мы живем в комфортных условиях. Зачем нам Бог? Ведь верить – это трудиться, так? Вера – это труд. А Царство Божие силой берется. А трудиться нам очень не хочется, вот ведь в чем дело. У человека должно быть осознание того, что ему необходимо обрести Бога. Что не просто Он есть, но что без Него человеку – никуда. Это осознание приходит, когда мы либо сталкиваемся с трудностями или с болезнями, с испытаниями и другими нестроениями.

– **И иного пути нет?**

– Отчего же? Есть путь человека верующего. Вера – она ведь передается по наследству, скажем так.

– **По наследству?!**

– Почему нас не удивляет, что по наследству передаются болезни, способности, черты характера, иные качества человека, а вера – вроде бы только нечто приобретенное со стороны и потому скорее случайное? Отвечу. Если вера была органичным состоянием ваших предков, она не может не передаться потомкам. В каком виде и в какой форме – об этом я не говорю: мы же согласились, что у каждого свой путь к Богу. Он просто неизвестен нашей «всезнающей» науке – ген веры. Но зато о нем прекрасно осведомлены наши старцы. Вспомните фразу из молитвы Господу нашему Иисусу Христу, которую мы ежедневно произносим в нашем утреннем правиле: «...Ты бо еси Бог мой от чрева матери моея». Господь – мой Бог уже тогда, когда я нахожусь еще во чреве матери...

– **Это, кстати, и ответ всем сторонникам абортот – убивая еще не рожденного человека, мы вместе с ним убиваем и Бога.**

– Но кто над этим задумывается?.. В данном случае мы о другом. Верующие родители передают детям со своей плотью и кровью и свою веру.

– **Не возникнет ли при этом соблазн: к чему постигать веру трудом, если она достанется по наследству?**

– Но, во-первых, есть люди, и таких немало, которых можно назвать христианами в первом, от силы во втором поколении. Их генетическая память довольно коротка или отсутствует вовсе. И потому таким без усердия в постижении веры не обойтись. Однако и насле-

дователи веры нуждаются в том, чтобы их пестовали, выхаживали, а это дается воспитанием в семье. Зерну мало быть просто брошено в землю. Чтобы оно принесло добрый и устойчивый плод, его надо вырастить. Дети, кому родители передают свою веру, становятся благочестивыми, счастливыми, достаточными людьми в этой жизни. И чем раньше это начать, тем лучше.

– **Но ведь «работники одиннадцатого часа» получили ту же награду, что и те, кто пришли первыми.**

– Ну, во-первых, это не их заслуга, а Того, Кто их нанял. Иными словами, милость Божия. Но что особенно важно – верующий человек по-другому воспринимает все, что с ним происходит. Даже, может быть, он испытывает те же трудности, те же болезни и скорби, что и неверующий человек, но своей верой он противостоит им, и его сердце становится неранимым, а Господь помогает ему в его испытаниях.

– **Можно сказать, что «генетический православный» уже рождается внутренне более подготовленным к тяготам жизни?**

– Самое главное, более подготовленным к их восприятию. И подчеркну еще раз: важнейшую роль играет воспитание в вере, идущее от родителей. Сейчас есть такое расхожее утверждение: не надо ребенка стеснять, надо дать ему свободу, он сам выберет. Да ничего хорошего он в нашем мире сам не выберет! И ничего путного из него не вырастет. Особенно если мы хотим видеть в нем христианина. Что в него зожим – то и вырастет. Это как посаженное дерево: под каким углом его посадят, так оно и будет расти.

– **Но сейчас ситуация вроде бы выправляется.**

– «Вроде бы»... Сейчас самая проблема в том, что мало кто из взрослых воспитывает детей в своей вере. А это значит, они не заботятся о том, чтобы их дети выросли счастливыми людьми. Без веры у них не будет опоры, иммунитета против испытаний и искушений мира сего. Без веры они будут продолжать свой бессмысленный бег по жизни в погоне за ускользающим от них богатством, ошибочно принимая его за подлинные ценности нашей жизни.

– **В последнее время окружающий мир стал значительно агрессивнее вести себя с теми, кто хочет воспитывать детей в своей вере. Вы не находите?**

– А тут и находить не надо. Все на поверхности. Не только в вере – чтобы детям вообще не прививалось ничего доброго. Сегодняшнему миру не требуется человек с добрым сердцем и свободной волей – нужна скотина, лишенная самостоятельности, разумности и прочих присущих человеку человеческих качеств, лишенная великого дара рассуждения. Чтобы он просто уподоблялся животному чавкающему и хрюкающему. Таким легко управлять, давать ему суррогаты, выдавая их за чистую монету, а он должен послушно принимать всю эту ложь и исполнять то, что ему скажут. Поэтому мир всегда будет противостоять. Об этом и Господь сказал: «Если бы вы были от мира, то мир любил бы свое; а как вы не от мира, но Я избрал вас от мира, потому ненавидит вас мир» (Ин. 15:19).

– **Итак, сегодняшнему миру в целом нужна бессловесная тварь, а не полноценный человек, то есть бездумный исполнитель, а не личность. И это, насколько я понимаю, в принципе не зависит от того или иного общественно-политического строя. Это – общемировая тенденция, своего рода эхо глобализации.**

– Да, к сожалению, такова мировая тенденция.

– **Тогда один частный вопрос. Не оттого ли у нас так трудно пробивает себе дорогу малое и среднее предпринимательство?**

– Поясните, пожалуйста, связь между вашим вопросом и всем предыдущим.

– **Извольте. Самостоятельный человек – это, прежде всего, свободный человек. А успешный предприниматель – и есть человек свободный, поскольку кует свое счастье сам и с помощью Божией, но никак не зависит от власти чиновника.**

– Мне хотелось услышать от вас именно эти слова. Выскажу личное мнение. Я полагаю, что до сегодняшнего дня, в частности до украинских событий, Россия развивалась и экономически, и политически с расчетом войти в эту глобальную систему. Особенно мы «преуспели» в экономике, почему именно за экономические нити нас сегодня дергают изо всех сил, чтобы не выпустить из своего клубка. И через это – влиять на политику России. А развитой, устойчивый малый и средний бизнес внутри страны, который как раз и общает стране устойчивую экономику,

в эту модель не вписывается. Глобализмом России уготована иная роль.

– **Мировой бензоколонки?**

– Именно так. Ее удел – поддерживать мировую энергетическую составляющую. Поэтому было уничтожено наше сельское хозяйство, не развивалось собственное промышленное производство, все в угоду ВТО было заточено на потребление. А это, как известно, соблазнительно своей легкостью, но неминуемо ведет к потере экономической, а следом и политической независимости.

– **Вы нарисовали картину того, как Россия развивалась, по вашим словам, до сегодняшнего дня. А теперь нас ждет, повторяя фразу героя всеми любимой «Ликвидации», картина маслом?**

– Полагаю, что до «масла» нам еще далеко. Но уже приходит другое понимание. Думаю, что отныне развитие России будет совершенно другим и в отношении малого и среднего бизнеса, и в сельском хозяйстве, и в других сферах жизни. Известно, что у нас всегда были две беды: дураки и дороги. Но нам надо всем крепко и горячо молиться. Чтобы Господь послал нам таких людей, которые и смогли бы вывести нас на правильную экономическую дорогу, поднимали бы Россию, а не распляли ее, как этого хотелось бы нашим «заклятым друзьям».

– **И, подходя к концу нашей беседы. Сегодня противостояние между Востоком и Западом особенно обострилось. Верно ли, пытаясь доискаться причин, использовать религиозное измерение?**

– Конечно, верно! Обратимся к святоотеческим пророчествам старцев об особой роли России, откроем Священное Писание... И нельзя забывать, что Москва – это третий Рим. И что это удел Пресвятой Богородицы. То, что сегодня происходит, полностью согласуется с теми пророчествами, в которых говорится о последних временах. Нога антихриста не ступит на землю русскую. Не ступит потому, что будут содвигаться храмы, будут совершаться молитвы до окончания века, будут совершаться Божественные литургии, будет наш православный народ наполнять храмы Божии. Когда я вижу, что Россия не вписывается в глобальную систему, то нахожу этому одно объяснение – исполнение пророчества святых отцов. А не войдет сюда антихрист опять же

потому, что Россия всегда будет стоять в стороне от тех стран, над которыми он восседает.

– **Но нас со всех сторон затапывают.**

– Не затопчут. И наши духовные антиподы это в глубине души понимают. Понимают, что мы никогда не примем общеевропейские ценности, ибо они идут вразрез со Священным Писанием. Мы никогда не сможем принять и даже понять Европу, потому что она живет уже в постхристианском мире. Там закрываются храмы – у нас открываются. Там они пустые – у нас наполнены. Мы стараемся – еще далеко не живем – стараемся! – жить христианскими ценностями, они стоят во главе нашего понимания мироустройства, его духовно-нравственного состояния – там от всего этого отказываются. И, естественно, тот, кто хочет войти в семью европейских западных стран, должен принять их ценности.

– **Если бы они хотя бы жили спокойно своей собственной жизнью... Они же навязывают ее другим.**

– Как вы думаете, почему? Почему вообще некоторым людям присуще это стремление – бросить ком грязи в того, кто, по их мнению, слишком чист?

– Или недостаточно грязен. Я вспоминаю удивительный мультфильм Гарри Бардина «Адажио». Толпа голубей, сложенных из темно-серой бумаги, вначале подозрительно присматривается к своему белоснежному собрату, потом начинает забрасывать его грязью, а когда тот все равно остается девственно чист, затапывает его и разрывает в клочья. И, удовлетворенная, собирается уходить. Но белый голубь, словно сказочная птица Феникс, собирает себя по частям и воспаряет ввысь, а серо-черным только остается удивленно провожать его.

– Дай Бог, чтобы всем наша Россия когда-нибудь увиделась таким белым голубем.

– **Благодарю вас за беседу.**

– Спаси Господь.

О покаянии

Что мы делаем, когда каемся? Жалеем о содеянном, просим прощения у Бога? Правильно. А еще? Плачем, бьем поклоны, скромно питаемся. А еще? Если мысль ваша, словно ослепшая, тычется пугливо по сторонам, не зная, что еще сказать, я попробую вам помочь. Когда мы искренно каемся, мы меняем планы Божии относительно нас самих и целого мира! Да, именно так. Вы никогда так высоко не думали о покаянии? Зря. Вот Иона идет в город, который уже обречен. Пророк идет, собственно, чтобы возвестить неминуемую гибель Ниневии. Он и идти не хочет, и бежать пробует, но, морем, и ветром, и китом принужденный, все же приходит в Ниневию. Там он говорит слова Божии, которые вдруг, паче чаяния, совершают неожиданное действие. Ниневия слезно кается, а в ответ Бог продлевает милость Свою на роды и роды. Таким образом покаяние идет до Самого Лица Божия, становится перед Ним и ходатайствует о человеке или народе. Приготовленные на смерть отпускаются на волю. Писание Святое говорит о том, что было один раз, но оно может повториться сколько угодно раз. Для того и читается Писание. Сказанное о Ниневии касается и нас.

Вот беды приготовлены грешнику: яма, петля и ужас ждут его впереди. Но если он откроет сердце Духу Святому, то начнет меняться: плакать, мириться, отдавать долги, просить прощения, поститься и принимать Причастие – все становится иным. Ямы впереди засыпает Господь, петлю убирает Господь, и ужас отодвигается Божией рукою. Мир стоит до сих пор еще благодаря покаянию. А поскольку каются люди не все и не так горячо и искренно, как надо бы, то мир стоит все еще благодаря возможности покаяния. Не все могут покаяться! Вот страшная правда. Есть люди – как упавшие деревья: они будут вовек лежать в ту сторону, в которую рухнули однажды. Но таковы не все. Множество людей способно к покаянию. В них жива совесть, у них есть сила воли. Только чего-то не хватает им. Не хватает веры, решимости, благодатного толчка. Давайте в эти великие покаянные дни будем молиться не только о себе и своих грехах, но также и о том множестве людей, которые думают о покаянии, готовятся к покаянию, но все еще не сделали по робости первого шага. Христос да прикоснется в эти дни к сердцам, готовым открыться перед Ним! Христос да вдохнет в каждую крещеную душу смелость и решимость противостоять греху и измениться! Молитесь об этом, братья и сестры. И если будете молиться искренно и внимательно, то собственными глазами увидите плоды услышанных Богом молитв ваших.

Протоиерей Андрей Ткачев

«Боже, милостив буди мне, грешному!»

«...властью Его, мне данною, прощаю и разрешаю тя от всех грехов твоих, во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь»

Илья Репин. Отказ от исповеди перед казнью

Скажите, пожалуйста...

 <p><i>Вот что ответили нашему корреспонденту Ларисе Беляевой на ее вопросы...</i></p>	<p><u>Юрий Владимирович,</u> 48 лет, врач</p>	<p><u>Монахиня Анфиса,</u> 48 лет</p>	<p><u>Ксения,</u> 25 лет, медик</p>
		<p><i>фотографироваться отказалась</i></p>	
<p>Как вы понимаете выражение «приблизиться к Богу»?</p>	<p>Это есть явственное ощущение любви Отца к Своему чаду. Когда это чувство пропадает, человек испытывает одиночество, тоску, которые, по сути, означают богооставленность, или безбожие.</p>	<p>Я согласна с Паисием Святогорцем, что это каждодневный труд во славу Божию. То есть каждый день, каждую секунду с Богом в сердце и на устах совершать самопожертвование ради ближнего.</p>	<p>Это состояние ко мне приходит после сердечной молитвы, то есть когда не просто правило вычитываешь, а когда молитва из глубины сердца исходит.</p>
<p>Приходилось ли вам испытать чувство приближения к Богу? Как часто?</p>	<p>Как ни странно, через отдаление от Него. Это – болезненно, а приближение – радостно, потому что естественно и органично. Часто ли? Вынужден признаться: да.</p>	<p>Да, я испытывала это прекрасное чувство. Святые отцы говорят, что Господь слаще меда, я это чувствовала на себе. Он действительно Сладчайший Иисусе. Это переживание незабываемо.</p>	<p>Да, достаточно часто мне приходилось испытывать это чувство. Такое чувство радости, тепла, мира душевного и какая-то целостность ума, целомудрие.</p>
<p>Приходилось ли вам испытывать чувство удаления от Бога? Было это однажды или неоднократно?</p>	<p>Было такое. Но, к счастью, только однажды.</p>	<p>Да, это чувство я тоже испытывала. Это как ребенок, который на базаре потерял свою маму. Ищет и не может найти. Это чувство оторванности, болезненной удаленности, хочется, чтобы тебя скорее нашли.</p>	<p>Бывало неоднократно, когда в суете дней забываешь, не постишься, отходишь от церковной жизни, то появляется какая-то застопоренность, как будто и каяться не в чем, все просыпается сквозь сито памяти.</p>
<p>Вы можете назвать причину этого состояния?</p>	<p>Нераскаянный грех или раскаянный, но потом повторенный.</p>	<p>Когда в какой-то момент я забыла о Нем думать или славить, тогда это состояние приходило. Такое забвение меня сильно отбрасывает. Очень страшное состояние, врагу этого не пожелаю.</p>	<p>Суетность, нерадивость в чем-то, когда идешь по накатанному, не сверяешь свою жизнь, свои поступки, а потом оказывается, что там и там появляются какие-то грехи.</p>
<p>Как часто вы думаете о Боге и сверяете с Ним свою жизнь?</p>	<p>В последнее время – постоянно. Надеюсь, Господь сподобит меня служить в храме, и я думаю, что это не профессия, а призвание человека.</p>	<p>Каждый день, каждый час, каждую минуту. То, что я делаю сейчас, сверяю с тем, как бы Бог поступил на моем месте, и стараюсь поступать точно так же.</p>	<p>Часто сверяюсь, но не всегда получается жить по заповедям.</p>

<p><i>Федор, 43 года, предприниматель</i></p>	<p><i>Надежда Ивановна, 53 года, домохозяйка</i></p>	<p><i>Ирина Анатольевна, врач</i></p>	<p><i>Филипп, 32 года, казак</i></p>
			
<p>Это значит полностью довериться Богу, открыться Ему, положиться на Его волю и стремиться максимально соответствовать тем нравственным требованиям, которые Бог предъявляет к Своим творениям.</p>	<p>Когда молишься или готовишься к Причастию. Это особое состояние, когда ты Ему все свои грехи рассказываешь. Но самое главное для меня – это молитва.</p>	<p>Для меня это чувство было связано со словами Господа, что женщина спасается чадорождением. Я бывала едина с Богом, когда я целовала своих детей. Но по мере воцерковления я поняла другое. Чувство единения с Богом дает Святое Причастие.</p>	<p>Чтобы приблизиться к Богу, человек должен совесть иметь. Иметь совесть, честь и воспитание. Потому как без всего этого в храм и не ходят.</p>
<p>Мне приходилось испытывать чувство присутствия Его рядом. Это было. Не знаю, можно ли это назвать приближением.</p>	<p>Я и уверовала в Бога, потому что приблизилась, нет, это Он приблизился ко мне. Сейчас это потихоньку, незаметно, а в самом начале воцерковления было явственно. Иначе я бы, наверное, и в церковь не пошла.</p>	<p>Да, конечно, приходилось. Это часто происходит в храме, около икон, после Причастия, когда в семье все хорошо, когда мы едины с детьми, с мужем.</p>	<p>Да. Когда святой водой нас батюшка окропит, очень приятно на душе. Испытываю это каждый раз, когда вхожу в храм. К сожалению, бывает это редко.</p>
<p>Да, приходилось.</p>	<p>Приходилось.</p>	<p>Да, было неоднократно.</p>	<p>Да. Когда мирские события происходят, празднования, соответственно греховные какие-то дела, естественно, удаляется человек от Бога. Век такой у нас – далеко от Бога живем.</p>
<p>Грех.</p>	<p>На этот вопрос не смогу ответить. Продумать надо.</p>	<p>Когда человек живет в страсти, совершает какие-то греховные поступки. То же самое было и со мной.</p>	<p>Малая воцерковленность семей – причина всех наших бед. Если один в семье ходит в храм, этим семья не спасется.</p>
<p>Я априори знаю, что Он есть, видит и знает каждый мой поступок. Что Он смотрит и на меня, и на каждого из нас. Я хотел бы жить так, чтобы мне не было стыдно за то, что Он видит.</p>	<p>С утра до вечера стараюсь не забывать.</p>	<p>Да, я стараюсь думать о Боге, стараюсь жить по заповедям, стараюсь исповедоваться, каяться, причащаться и опять объединяться с Господом.</p>	<p>Не сказал бы, что очень уж часто. Совесть не позволяет сверять с Ним жизнь, мы – земные, грешные.</p>

В эпоху больших свершений: Евграф Молчанов и другие

Но предварить наше очередное путешествие по страницам истории Знаменского храма в Ховрине я хотел бы прогулкой по одной из самых знаменитых, старинных и красивых улиц нашего города – по Покровке¹. Остановимся у дома № 10 – на первый взгляд, ничем особым не приметного здания, как говорится, без архитектурных излишеств. Однако тот, кому известна история, которую хранят уже изрядно постаревшие стены, уверен, иными глазами увидит и его фасад. В пятидесятых годах позапрошлого века в доме располагалась

ткацкая фабрика московского миллионера Е.В. Молчанова. Текстильное производство во второй половине XIX столетия было, как известно, одним из самых процветающих в России. Именно на нем сделали свои миллиардные состояния Морозовы, Коншины, Гарелины, Смирновы, Красильщикивы и другие промышленные кланы.

Но не только о приумножении своих материальных богатств заботился молодой, только нарождающийся класс русских промышленников и предпринимателей. Эта яркая когорта поистине замечательных, талантливых и во всех смыслах неординарных людей представляет собой удивительный и чрезвычайно сложный для понимания нашими современниками, весьма очерстевшими в век тотальной коммерциализации, феномен. Размышляя о причинах и предпосылках появления в России сообщества столь выдающихся хозяйственных деятелей, надо помнить о том, что сформировала его, без преувеличения, выдающаяся историческая эпоха.

¹ Есть в Москве улицы Большая и Малая Молчановка, но они не связаны с нашим героем. В тех метях жил стрелецкий полковник М.А. Молчанов, имевший обширное домостроение. От него и пошло название.

Покровка. Молчановские места

Шестидесятые годы XIX столетия можно по праву назвать золотым десятилетием, периодом подлинного расцвета не только усадьбы Ховрино, но и всей окружающей ее местности. Это настоящее экономическое чудо связано с именем московского миллионера Евграфа Владимировича Молчанова. Упорство, целеустремленность, трудолюбие, уникальное сочетание бережливости и разумного новаторства, благочестивый образ жизни и твердая вера в Бога позволили этому незаурядному человеку сколотить огромное по тем временам состояние. Его вклад в дело благоустройства Ховрина, частью которого стало возведение нового каменного храма в честь иконы Божией Матери «Знамение», сложно переоценить.

В годы правления императора Николая I огромная и, на первый взгляд, неповоротливая страна уверенно вставала на капиталистические рельсы своего развития, словно расправляя крылья для стремительного экономического взлета. Причем, переход Российской империи на упомянутые рельсы происходил как в образном, переносном, так и в абсолютно прямом, буквальном смысле этого выражения. 30 октября 1837 года проходят успешные испытания экспериментальной железной дороги от Петербурга до Царского Села и Павловска, созданной по инициативе энтузиаста транспортных инноваций австрийского инженера Франца Герстнера, полностью одобренной и горячо поддержанной Николаем I. Кстати, этот царь, в котором многие историки почему-то упорно не хотят разглядеть разумного реформатора-традиционалиста, видел Россию будущего «идущей смело, тихо, по христианским правилам к постепенным усовершенствованиям, которые должны из нее на долгое время сделать сильнейшую и счастливейшую страну в мире» (из письма императора Николая I генерал-фельдмаршалу Ивану Федоровичу Паскевичу от 15 (27) февраля 1836 года).

Ярким представителем этой динамичной, новаторской эпохи, открывавшей России прямую дорогу в благополучное, процветающее будущее, несомненно, был и Евграф Владимирович Молчанов. Что нам известно об этом человеке? К сожалению, совсем немного. В малом количестве биографические справки, хаотично разбросанные на необъятных просторах Интернета, указывают на то, что это был московский миллионер, фабрикант, дослужившийся до гражданско-го чина статского советника. Как видим, данные, характеризующие светский портрет

нашего героя, весьма скупы. Но недостаток архивных сведений о Е.В. Молчанове мы можем постараться компенсировать реконструкцией его богатого духовного мира.

В 1861 году по инициативе и при материальной поддержке Е.В. Молчанова буквально в нескольких шагах от его фабрики был построен новый каменный храм во имя Живоначальной Троицы, что на Грязех (ул. Покровка, 13). В качестве автора проекта, по которому была возведена Троицкая церковь, выступил выдающийся московский зодчий Михаил Доримедонтович Быковский. Сам Евграф Владимирович, имевший в Троицком приходе дом, выполнял во вновь отстроенном храме почетную обязанность старосты.

Главной чтимой святыней Троицкого храма на Покровке была и остается поныне икона Божией Матери «Трех радостей». На иконе изображены Божия Матерь с Младенцем Христом, Святой Иоанн Креститель и святой праведный Иосиф Обручник. В основе этого образа лежит картина знаменитого Рафаэля «Мадонна в кресле», оригинал которой находится во Флоренции в палаццо Питти. С этой картины было сделано несколько копий, одну из которых привез в Россию в начале XVIII века некий благочестивый живописец. После его смер-

ти родственник, служивший священником, выставил ее на паперти церкви Троицы на Грязех в Москве, на Покровке.

Предание повествует о том, как однажды в этот храм пришла знатная женщина, с которой случились сразу три несчастья: сослали мужа, сын оказался в плену, а имение отобрали в казну. Ей приснился вещий сон, что она должна отыскать икону Святого Семейства и молиться перед ней, вследствие чего та и оказалась в церкви на Покровке. После усердной молитвы перед чудотворным образом женщина получила три радостных известия: мужа оправдали, сын был вызволен из плена, а имение вернулось семье. С той поры престол иконы «Трех радостей» является центральным в соборе Троицы на Грязех. Икона считалась заступницей невинно оклеветанных, разлученных с близкими и потерявших средства, накопленные своим трудом. Благоустроителем, прихожанином и старостой храма с такой замечательной иконой и довелось быть Евграфу Владимировичу Молчанову. Стоит ли говорить о том, с каким благоговением этот набожный человек относился к главной святыне своего храма?

Следует отметить, что храм Живоначальной Троицы на Грязех у Покровских ворот благополучно дожил до наших дней. Его настоятелем является протоиерей Иоанн Каледа – сын талантливого учено-геолога и выдающегося священника и церковного писателя Глеба Александровича Каледы. На момент написания данной статьи в храме интенсивно велись ремонтно-реставрационные работы и его здание было скрыто строительными лесами и специальным брезентом. Радостно сознавать, что сегодня детище и предмет забот Е.В. Молчанова наполнено активной приходской жизнью и молитвой. По-прежнему душу всякого посетителя храма насквозь пронзает исполненный неземной любви и печали взгляд Пресвятой Богородицы с иконы «Трех радостей».

Когда всматриваешься в главные вехи духовной биографии Евграфа Владимировича, невольно возникает ощущение, что Молчанов особо чтит Пресвятую Богородицу, видимо, свято веря в несокрушимую силу Ее помощи и заступничества. Очевидно, за свою насыщенную трудами и заботами жизнь он не раз имел возможность убедиться, насколько действенна молитва к Царице Небесной. Вот и в подмосковном селе Леонове, в середине XIX века располагавшемся по соседству с ростовской ситценабивной фабрикой, принадлежавшей Молчанову, Евграф Владимирович капитально отремонтировал старинную каменную церковь в честь Положения честной Ризы Пресвятой Богородицы во Влахерне (ныне ул. Докукина, 15).

И вот наступает 1868 год. В селе Ховрино, владельцем которого Е.В. Молчанов

Единственный в Москве престол, освященный в честь небесного покровителя Е.В. Молчанова – мученика Евграфа, находится в нашем храме

был с 1859 года, вместо старого здания церкви, возведенного в 1741 году, на другом месте строится новый каменный храм в русско-византийском стиле в честь иконы Божией Матери «Знамение». И снова Богородичный храм!

Строительству новой церкви предшествует чрезвычайно активная и масштабная деятельность по благоустройству всей местности. О том, как буквально на глазах преображался внешний вид усадьбы Ховрино, подробно рассказал в своей книге «Подмосковные прогулки» известный журналист и краевед Алексей Алексеевич Ярцев. Избранные фрагменты из этого увлекательного повествования впоследствии были опубликованы в газете «Московские ведомости», с которой на протяжении нескольких лет сотрудничал автор: «На голом почти, но красивом месте, благодаря большим прудам и речке был разбит парк. На тройках привозили сюда громадные деревья разных пород: кедры, пихты, лиственницы, сосны, тополя, всевозможные кустарники и проч. Запестрели клумбы цветов, выросли красивые беседки, мостики, гроты».

Для осуществления проекта по строительству Знаменского храма Молчанов приглашает уже знакомого нам знаменитого московского архитектора М.Д. Быковского, который блестяще справляется с этой задачей. К сожалению, увидеть плоды своих трудов хозяин Ховрина не смог: 15 сентября 1869 года Евграф Владимирович Молчанов скончался. Его вдова Екатерина Осиповна богато украшает интерьер новой церкви: «Внутри она производит своим изяществом чрезвычайно светлое впечатление. Мозаичный пол и облицовка стен разноцветным мрамором дают для этого общий фон. Мраморный иконостас, сделанный с большим вкусом, заключает в себе иконы художественной работы, писанные художником Малышевым, так же как и несколько других икон вне иконостаса» (А.А. Ярцев).

Продав в 1879 году почти все ховринское имение, Молчанова оставила себе только во-

семь десятин земли с лесом и тремя дачами, а в 1890 году пожертвовала все для учреждения детского приюта имени императора Александра II. Новым владельцем Ховрина стал С.Е. Панов, подрядчик из крестьян, разбогатевший на строительстве железных дорог. О его неблаговидном поведении мы уже писали. После его смерти в 1892 году оказалось, к удивлению многих, что все капиталы Панов завещал Обществу попечения о детях лиц, ссылаемых в Сибирь. Завещание попытались оспорить, но известный адвокат Плевако доказал его законность.

Изучая историю храма в честь иконы Божией Матери «Знамение», я с самого начала нашей летописи понял простую, но крайне поучительную истину: за все время существования этой церкви среди ее благоустроителей, попечителей и священнослужителей не было случайных людей. Даже самые лаконичные строки из их почти полностью растворившихся в океане времени биографий прямо указывают на то, что практически каждый из них был глубоко набожным, боголюбивым, совестливым и высокодуховным человеком. То есть обладал лучшими качествами, характерными для русского народа при всей бескрайней широте, сложности, противоречивости, а порой и парадоксальности его уникального национального характера.

Что касается священнослужителей, подвизавшихся в Ховрине, то в большинстве своем это были люди, по своим семейным традициям тесно связанные с крепким российским духовным сословием. Взять, к примеру, служившего в Знаменской церкви с 1874 года псаломщиком Алексея Никифоровича Тихомирова. Его сын Александр Алексеевич Тихомиров в 1906 году окончил Перервинское Духовное училище, а в 1912 году – Московскую духовную семинарию. Надо полагать, что сын достойно продолжил дело своего отца и стал священником. К слову сказать, сам Алексей Никифорович Тихомиров в 1882 году был рукоположен во диакона.

На этом позвольте мне завершить исторический обзор жизни Знаменского храма в Ховрине в годы, запомнившиеся современникам и их потомкам как эпоха бурного экономического подъема Российской империи, активного пробуждения национального самосознания и духовности ее народа. Для россиян образца XXI века это время относительного благополучия является не столько поводом для его идеализации, сколько наглядным примером для извлечения важных исторических уроков. Эпоха Евграфа Владимировича Молчанова на конкретных примерах убедительно показывает нам, что реформы в России только тогда приводят к настоящему успеху, когда они опираются на мощный фундамент вековых традиций русского народа.

К сему: ваш Архивариус

Храм Михаила Архангела

«Но чувство есть у нас святое...»

Церкви села Тарханы

Любимый внук

Татьяна Кольян
Государственный Лермонтовский
музей-заповедник «Тарханы»

Высоко над селом поднимаются купол и колокольня церкви Михаила Архистратига. Здесь, на церковном погосте, среди своих родных нашел последнее упокоение М.Ю. Лермонтов.

Любимая бабушка

Еще в ранней юности он писал:

*...Я родину люблю
И больше многих: среди ее полей
Есть место, где я горесть начал
знать;
Есть место, где я буду отдыхать,
Когда мой прах, смешавшись
с землей,
Навеки прежний вид оставит
свой...*

С конца XVIII века история Тархан тесно связана с семьей Арсеньевых – Лермонтовых. И церковное строительство в

селе во многом обусловлено драматическими событиями в жизни этой семьи.

В 1794 г. село Никольское (Яковлевское тож, оно же Тарханы) на приданные деньги купила у камергера И.А. Нарышкина будущая бабушка М.Ю. Лермонтова Елизавета Алексеевна Арсеньева, урожденная Столыпина. Летописец этих мест П.К. Шугаев в конце XIX века писал: «Село <...> было продано Нарышкиным за неплатеж оброка и вообще бездоходность его, а также и потому, что вся барская усадьба (в которой хотя владелец сам никогда и не был) на месте нынеш-

ней большой каменной церкви и все село сторело <...> кроме маленькой деревянной церкви».

Новые владельцы построили усадьбу подальше от крестьянских дворов, отгородившись от села каскадом из трех прудов, вырытых по руслу речки Марарайки. Михаил Васильевич Арсеньев построил большой барский дом, окруженный тремя садами и парком. В этом доме он умер скоропостижно 2 января 1810 г. всего сорока двух лет от роду. Есть разные версии о причинах смерти, но оставим их для отдельного разговора. Похоронили

Михаила Васильевича по православному обычаю, у алтарной стены той маленькой деревянной церкви Николая Чудотворца, которая уцелела во время пожара (в 1826 г. ее разобрали «за ветхостью»).

Дом оказался несчастливый не только по причине скоропостижной кончины барина, но еще и потому, что 24 февраля 1817 г. в нем умерла от чахотки единственная дочь Арсеньевых Мария. «Житие ее было 21 год 11 месяцев и 7 дней» – написано на ее надгробном памятнике. Марию Михайловну погребли рядом с отцом. Ее осиротевшему сыну было чуть более двух лет.

Вскоре Елизавета Алексеевна задумала построить в Тарханах две новые церкви, которые решила освятить в честь святых покровителей мужа и дочери. Уже в октябре 1818 г. она получила благословение пензенского архиерея Афанасия поставить в своем селе «вместо деревянной каменную церковь во имя Архистратига Михаила, и при ней еще теплую во имя Марии Египетской».

Маленькая каменная придельная церковь во имя святой покровительницы матери поэта была построена на месте несчастливой дома и освящена 26 ноября 1820 г. Пензенский журналист Н.В. Прозин, посетивший Тарханы в 1867 г., писал: «Эта церковь была домовым храмом помещицы, которая часто слушала здесь литургию и нередко приходила сюда молиться ко всенощной». И сейчас в иконостасе храма находится мемориальная икона Михаила Архистратига, святого покровителя М.В. Арсеньева и М.Ю. Лермонтова. Мемориальный престольный образ Марии Египетской, к сожалению, не сохранился.

Бабушка, естественно, воспитывала внука в православных традициях. Любила возить его по монастырям. Дважды в младенчестве ее «Мишинька» побывал в Киево-Печерской лавре, позднее – в Ново-Иерусалимском монастыре, в Троице-Сергиевой обители. Посещения Нижне-Оловского (в Пензенской губернии) и Симонова (в Москве) монастырей нашли отражение в его творчестве. Священ-

нику Алексею Толузакову, который был духовником семьи и служил в приходской церкви и в придельном (домовом) храме, Е.А. Арсеньева жаловала двести рублей в год и отсыпного хлеба, и жил он с семейством «в господской деревянной горнице на обывательской земле». Батюшка служил в Тарханах с 1817 по 1840 г. Вероятно, был у подрастающего Мишеля и первым учителем Закона Божия. В церковных ведомостях имя Лермонтова записано много раз: как бывавшего на исповеди и у Святого Причастия и воспринимавшего от купели младенцев в качестве крестного отца. Над его детской кроваткой, по преданию, располагалась икона Богородицы «Споручница грешных» (ныне экспонируется в музее «Тарханы»). «Прозрачный сумрак, луч лампы, кивот и крест, символ святой» – образ, вышедший для поэта из детства.

Тарханская церковь Михаила Архистратига начала строиться только в 1826 г., а завершилась и вовсе через 14 лет. В клировой ведомости за 1836 г. о ней записано: «Зданием каменная, с такою же колокольнею, вчерне строением оконченны и покрыты железом как церковь, так и колокольня; церковь известью внутри оштукатурена; полов при них не имеется, а окончины при церкви имеются; иконостас с местными образами в готовности. Престол в ней назначен один в настоящей холодной [церкви] во имя Архистратига Михаила, и к ней придельная теплая на особом месте [церковь], построена и освящена 1820-го во имя Марии Египетския, в которой и служба навсегда совершается».

Церковь Марии Египетской

...Приехавший в Тарханы в отпуск Михаил Юрьевич уговорил бабушку вернуться в Петербург, ибо, по его словам (из письма к другу С.А. Раевскому 16 января 1836 г.), без него «она совсем истерзалась». В Тарханы Е.А. Арсеньева вернулась только в мае 1840 г. Ее любимый внук за дуэль с сыном французского посла Э. де Барантом сослан на Кавказ, и Елизавета Алексеевна торопится завершить строительство сельской церкви. В клировой ведомости за 1841 г. читаем: «Построена и освящена 1840-го года октября 3-го дня тщанием означенного села помещицы гвардии поручицы Елизаветы Алексеевой Арсеньевой. Зданием каменная с такою ж колокольнею, крепка. <...> Утварью порядочна».

3 октября (по старому стилю) в семье праздновался день рождения Михаила Юрьевича. Если в 1818 г. идея освящения сельской церкви в честь Михаила Архистратига была связана прежде всего с памятью о покойном М.В. Арсеневе, родившемся 8 ноября, то есть в самый день Собора Архистратига Михаила и прочих Небесных Сил бесплотных, то в 1840 г., когда церковь наконец была построена, Е.А. Арсеньева приурочила ее освящение к дню рождения М.Ю. Лермонтова. Обряд освящения храма совершил духовник семьи отец Алексей.

Предание о том, как была освящена эта церковь, записал П.К. Шугаев, слышавший его в Тарханах в 1890-х гг.: «Большая каменная церковь во имя Михаила Архангела, празднуемого 8 ноября, то есть святого, имя которого носил Михаил Юрьевич, сохранилась и поныне.

Построена на средства Елизаветы Алексеевны Арсеньевой в конце 30-х гг. XIX в. И освящена оригинальным образом: так было приурочено, что в день ее освящения было окрещено 3 младенца, обвенчано 3 свадьбы и схоронено 3 покойника».

Метрическая ведомость за 1840 г. подтверждает это частично. Действительно, 3 октября 1840 г. в новой церкви было окрещено три младенца – крепостные Е.А. Арсеньевой два

мальчика и девочка, родившиеся 1 октября. Венчаний 3 октября не было, правда, на следующий день обвенчаны три пары крепостных людей. Не было в тот день и отпеваний.

Гибель М.Ю. Лермонтова на дуэли в Пятигорске была для его бабушки страшным потрясением – она «вынесла апоплексический удар, от которого медленно оправилась. Веки глаз ее, впрочем, уже не поднимались. От слез они закрылись» (П.А. Висковатов). В сентябре 1841 г. Елизавета Алексеевна вернулась в Тарханы. Благодаря своим родственникам и влиятельным знакомым она добилась государева разрешения на перевоз тела внука в Тарханы.

23 апреля 1842 г. Михаил Юрьевич Лермонтов был погребен на фамильном кладбище рядом с дедом и матерью. В то же лето над всеми этими могилами была воздвигнута каменная часовня-усыпальница. По заказу Е.А. Арсеньевой для часовни неизвестным нам художником были написаны особые, памятные иконы. На одной изображены святые Улитта, Кирик и князь Владимир, память которых в церкви совершается 15 июля по старому стилю – в день гибели поэта. Другой образ – «Не рыдай Мене, Мати», Пресвятая Богородица, стоящая над Гробом Сына, – вероятно, был созвучен состоянию самой Елизаветы Алексеевны, когда она хоронила «свет очей своих» – внука.

В последние годы жизни Е.А. Арсеньева много средств тратила на церковные нужды. Еще в сентябре 1841 г. она подписала «условие», отправленное епископу Пензенскому и Саранскому Амвросию, по которому стала выплачивать тарханским церковнослужителям жалованье в тысячу рублей ассигнациями в год и для них же стала строить дома. На сельском кладбище, видимо, из остатков старой деревянной церкви, тщанием помещицы была воздвигнута однокупольная церковь во имя Николая Чудотворца, освященная 12 июля 1842 г. (она просуществовала до 1930-х гг., когда, по рассказам старожилов, «так обветшала, что однажды ночью без чьей-либо помощи рухнула»). В клировой ведомости за 1843 г. впервые упоминается «выстроенная вновь каменная сторожка» при церкви Михаила Архангела. В народе о бабушке М.Ю. Лермонтова говорили, что по внуку своему она «сорок сороков милостыню выполняла, замолила у Бога, плакала до самой смерти».

Елизавета Алексеевна умерла 16 ноября 1845 г. и похоронена под сводами

Здесь жил Поэт

часовни-усыпальницы – рядом со своим «Мишинькой».

«Тот век прошел, и люди те прошли, Сменили их другие...» (М.Ю. Лермонтов).

Наступил жестокий и безбожный XX век. Имя М.Ю. Лермонтова спасло от уничтожения здания обеих тарханских церквей. Но, к сожалению, не сохранились их мемориальные интерьеры.

Церковь Марии Египетской была закрыта для верующих в 1925 г. Здание отдали сначала под красный уголок местного колхоза, потом – под лекторий открывшегося в 1939 г. дома-музея М.Ю. Лермонтова. В 1964 г. в этой церкви начала работать музейная экспозиция. И только к 2006 г. по сохранившимся документам был восстановлен интерьер храма. 14 апреля 2006 г. – в день памяти преподобной Марии Египетской – храм был освящен архиепископом Пензенским и Кузнецким Филаретом. Сейчас службы в нем проводятся еженедельно по четвергам и в некоторые праздники. В обычное время церковь Марии Египетской остается объектом музейного показа. Размещенная в ней экспозиция «Но чувство есть у нас святое...» (строка из стихотворения М.Ю. Лермонтова) позволяет рассказать об истории тарханских церквей, прикоснуться к вопросу веры в жизни и творчестве поэта. В экспозиции представлены мемориальные тарханские иконы, предметы церковного обихода, а также книги метрических и исповедных ведомостей с записями о Лермонтове и его близких.

Церковь Михаила Архистратига в 1933 г. была приспособлена под зерносклад. Только настойчивые просьбы

сельской общественности во главе с будущим первым директором лермонтовского музея А.И. Храмовым изменили судьбу памятника: к 125-летию со дня рождения Михаила Юрьевича (1939 г.) здание было отреставрировано и в нем открыли клуб и библиотеку имени поэта. В 1947 г. храм вновь был открыт для верующих, но ненадолго. С 1962 г. церковь Михаила Архангела перешла в ведение музея-заповедника «Тарханы», в ней размещались музейные экспозиции.

9 января 1992 г. церковь Михаила Архистратига вновь стала действующей. В настоящее время это главный храм села, где проходят регулярные богослужения. Но в то же время это и один из главных мемориальных памятников лермонтовского заповедника. Вместе с часовней-усыпальницей Арсеньевых – Лермонтовых и церковной сторожкой храм Михаила Архангела входит в состав второго комплекса музея. Все крупные работы в зданиях второго комплекса – от замены столярки и ремонта крыш до расчистки и реставрации росписей в церкви и часовне – проводит музей.

Ежегодно 27 июля – в день гибели М.Ю. Лермонтова – после панихиды к часовне устремляется поток людей, желающих возложить живые цветы на его могилу. Раскидистый дуб покрывает своими ветвями усыпальницу поэта, как бы выполняя его поэтическое завещание:

*Я б желал навеки так заснуть, <...>
Чтоб всю ночь, весь день мой слух
леля,*

*Про любовь мне сладкий голос пел,
Надо мной чтоб, вечно зеленея,
Темный дуб склонялся и шумел.*

Вершина отца Сергея

Два монолога, по сути, об одном – о месте в жизни

Таким мальцом когда-то пришел к тренеру Александру Мамаеву будущий чемпион, а потом и батюшка Сережа Поперечный

Ранным зимним вечером они вновь расставались. Крупные снежные хлопья падали на тихую землю, когда отец Сергей благословлял в дорогу Александра Мамаева, своего учителя и старшего друга. За их спинами светился витражами храм во имя пророка Божия Илии, и строгие очертания его уже сливались с темным, застывшим лесом. Казалось, что там, в лесу, еще гуляет, медленно замирая, тихий и чуточку грустный вечерний звон колоколов. В такие минуты чудится, будто над нами пролетают ангелы...

Александр Мамаев, тренер. Сережка начал у меня заниматься борьбой в 1984 году, в возрасте десяти лет, и как-то сразу обратил на себя внимание. У меня занималось сразу 86 мальчишек, и зал всех не вмещал. Я предупредил их: если десять раз подтянетесь – пятерка, восемь – четверка, шесть – тройка. А если меньше, то до свидания! Сережка стоит худенький, скромненький, в красных трусиках, думает о чем-то своем и ковыряет в носу. «А ты сколько раз подтянешься?» – спрашиваю у него. Он растерялся и, похоже, неожиданно даже для себя выпалил: «Двадцать пять!». На следующий день – зачет. Дошла очередь до него. Восемь... десять, одиннадцать... начинают дрожать руки. Пятнадцать – дрожь по всему телу. Я уже хотел остановить

его: молодец, мол, хватит. А он, как и обещал, подтянулся двадцать пять раз! Потом как-то признался, что даже не мечтал о таком. Но раз слово вылетело – надо сделать! Даже в детстве характер у Сережки был еще тот! Если соперник проведет против него удачный прием, глаза у мальчика наливаются кровью и – начинается... Он настолько жестко в такие моменты работал на ковре, что многие ребята отказывались с ним тренироваться. Одно слово – Поперечный, что с него взять? Когда повзрослел, научился сдерживать себя. И то, что он пошел в священники, выбрал такой нелегкий путь служения Господу и людям, говорит о том, что он действительно приобрел важнейшие качества христианина – смирение и терпение. Но что было при нем всегда – это участли-

вость. У моей матушки после второго инсульта развился еще и диабет, и она нуждалась в серьезном уходе. Я в то время буквально разрывался между работой и домом. И вот однажды ей очень захотелось осетрины – может быть, одно из последних желаний? Я убегаю с тренировки, тороплюсь, говорю Сереже, что наша традиционная прогулка до дома отменяется по такой вот причине. Теперь трудно поверить, какой проблемой было в 1988 году купить кусок осетрины. Я обегал весь город, но ничего, конечно же, не нашел. Пришел домой насквозь промокший: дождь лил как из ведра. Где-то в половине первого ночи меня разбудил стук. Выхожу – стоит Сережа, промокший до нитки, и в каждой руке у него по свертку с осетриной! Оказывается, его тетя работала в тресте столовых, но даже ей пришлось обратиться к своему начальству. И вот он пешком, ночью через весь город прибежал ко мне...

В 1997 году он выиграл в России все турниры, победил всех. Оставалось только выиграть чемпионат страны. И тогда дорога на Олимпиаду открыта.

Понимаю, что и в спорте нет сослагательного наклонения, не может быть переверстки уже случившихся событий, но гложет мысль: Сергей тоже вполне мог занять свое место на Олимпийском пьедестале. Специалисты борьбы из тех, кто его хорошо знал, думали точно так же. Но следующей зимой он переболел воспалением легких. И, когда выздоровел, я запретил ему большие нагрузки. Оказывается, он меня не послушался. А приходил по утрам, часов в шесть, пока в зале никого не было, и тренировался до седьмого пота. Кроме этого каждый день он совершал многокилометровые кроссы в лесу. А вечерами приходил на мою тренировку. И как следствие – перетренировка. Да еще у него была серьезная травма спины, на которую он зря не обращал внимания. Все это и поставило крест на спортивной карьере...

Сергий Поперечный, священник.

Если человек живет только спортом и ни о чем другом не думает, не размышляет над духовными, нравственными проблемами, если другие стороны бытия его вообще не интересуют, то его судьба может сложиться не самым благоприятным образом.

Мне откровенно повезло с наставником. Повезло ли ему со мной – надо спрашивать у него. Он раньше говорил, что моя фамилия очень совпала с сущностью моего характера. Да, признаюсь, я был поперечным, со

мной было тяжело. Спасибо, что он выдержал, не отступился от меня. Он в моей жизни не тренер, а воспитатель, педагог и даже отец.

Не все мне удалось, не все спортивные вершины покорил. До самой главной как раз и не дошел. Так уж сложилась судьба Промыслом Божиим. С одной стороны, можно считать это неудачей и даже жизненной драмой. Но если смотреть глубже, то понимаешь, что никакой драмы и не произошло. Мы с тренером остались духовно близкими людьми, а это главное. Александр Юрьевич стал к тому же крестным отцом моего сына, а это для меня особенно важно. В конце концов, перед нами стоит Вечность. И задача, по большому счету, такова, чтобы и там нам нужно быть недалеко друг от друга. Это уже совершенно иная перспектива.

К Богу, как очень многие, я пришел не сразу. Моя бабушка, Александра Ильинична, которая вложила в меня всю свою душу, все силы, с младенчества водила меня в храм, к причастию. Молиться не заставляла, а постепенно, как я теперь понимаю, подводила меня к пониманию необходимости веры в Бога. Бабушка отдала мне все свое душевное тепло и все свои знания о жизни. Я убежден, что такое отношение очень важно, поскольку мы видим, насколько расколото, разобщено теперь наше общество, как растет непонима-

ние между родителями и детьми, вообще между людьми. Слишком многие хотят жить только своей личной жизнью, заботиться только о себе, думать об удовольствиях и своих прихотях. Это путь тупиковый. Но, к великому сожалению, эта чума захватывает людей все больше и больше. И поэтому жертвенность, проявляющаяся в любой области деятельности человека, сегодня приобретает особую ценность.

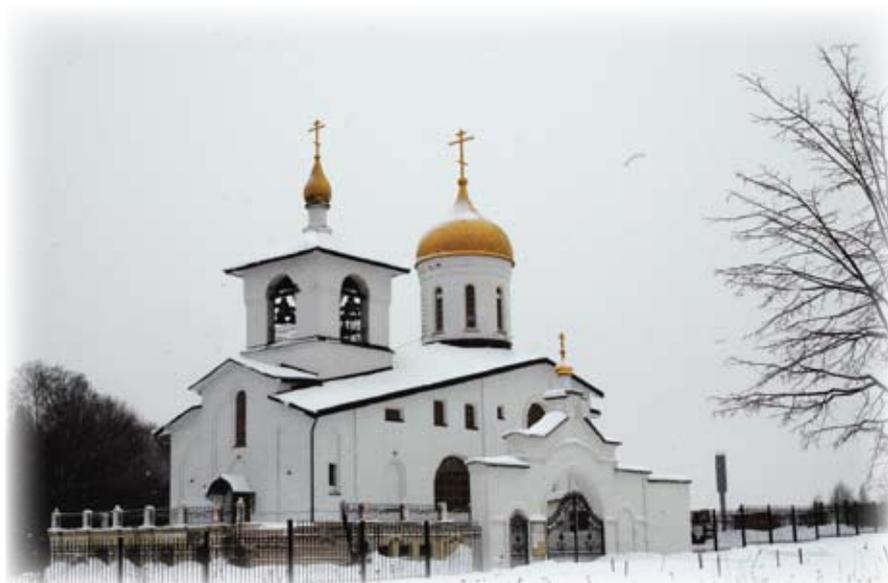
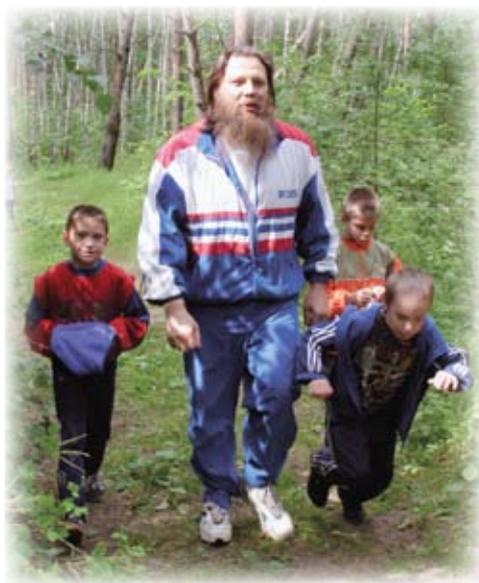
Сострадать, хотеть и уметь заботиться о других, забывая о себе, – на этих принципах и должна строиться семья, община, да и все общество. Порою возникает крамольная мысль: а не перешли ли мы роковой рубеж, когда возвращение к истинным человеческим ценностям и добродетелям уже невозможно? И я отвечаю себе: нет, еще не поздно. Не поздно осмыслить ситуацию, посмотреть на себя со стороны и покаяться. Прийти к Богу никогда не поздно. Он всегда с нами. Так что все зависит только от нас самих...

Как я стал священником? Хотелось глубже окунуться в духовный мир, который начал для меня открываться. Чем интересен духовный мир, так это тем, что его глубина, высота и широта ничем не ограничены, как не ограничен сам Бог – ни местом, ни временем, ни чем-либо еще. Поэтому духовное совершенство человека не имеет пределов. Все это меня очень заинтересовало и увлекло. Я был рукоположен в 2000 году. Признаться, не все мои знакомые сразу поняли и приняли мой выбор, но абсолютное большинство из них, вероятно, уже были готовы к моему шагу, поскольку знали, что к этому я шел долго, постепенно и верно.

Итак, определили в епархии мне приход – село Барково. Я приехал и увидел богатое своей историей поселение, где раньше было четыре храма, но не осталось ни одного. Земли вокруг села принадлежали Троице-Сергиевой лавре, были в монастырском ведении. Но все это, как понимаете, осталось в прошлом. На месте нынешнего храма была вырыта яма под фундамент комбината бытового обслуживания. Мы эту яму использовали при строительстве храма во имя пророка Божия Илии. Было трудно, но Господь послал людей, наших благодетелей, и с их помощью храм был возведен и освя-

За веру и верность

В храме отец Сергей заботится о здравии духовном, на тренировках – о телесном

щен. Строили все: кто принес копейку, кто рубль, кто десятки, а кто и сотни тысяч – все они строители, и всех их видит Господь. Строили мы храм семь лет начиная с 2001 года. Основную лепту в строительство храма внесли члены Всероссийского общественного движения ветеранов локальных войн и военных конфликтов «Боевое братство».

Храм, как я уже говорил, посвящен пророку Божию Илии, верхний его придел – великомученика Никиты, а нижний, крестильный храм – во имя святых царственных Мучеников. В нем будут креститься дети новой России, в которой, надеемся, не повторятся трагедии прошлых лет.

Кроме того, школа, которую мы создали рядом с храмом, тоже носит имя святых царственных Мучеников, и это тоже было далеко не спонтанное решение. Школа – это ведь тоже семья, основа государства.

Школа работает на законных основаниях, в ней занимаются несколько десятков учеников разных классов, которые приезжают сюда каждый день из окрестных сел Пушкинского района, городов Ивантеевка, Красноармейск и Пушкино на нашем школьном автобусе. Но школа рассчитана на 150 человек, так что нам есть куда развиваться.

Школа пока живет трудно, поскольку мы находимся на хозрасчете, а прежней благотворительной помощи теперь нет. Село передало нам здание

Дома культуры, которое мы отремонтировали и приспособили под свои нужды. Содержать школу площадью в 2000 кв. м. и храм площадью в 1500 кв. м. не просто, но с Божьей помощью пока выживаем. Государственная поддержка составляет две тысячи рублей в месяц на человека, чего, конечно же, не хватает. Но отрадно, что у нас сложился прекрасный коллектив преподавателей и учеников, который можно назвать одной большой семьей. Определяющим при наборе в школу остается желание родителей, чтобы их дети учились именно в православной школе. День у нас начинается и заканчивается молитвой. По праздникам дети участвуют в церковных службах, приезжают с родителями в храм и в воскресенье. Посты мы стараемся соблюдать, но без всякого принуждения. Все только по желанию, по душе.

Не забываем мы и о спортивной стороне нашей школьной жизни. Оборудован зал, где ребята занимаются греко-римской борьбой. Тренирует их Андрей Александрович Мальцев из Люберецкой детско-юношеской спортивной школы олимпийского резерва. Наша секция – ее филиал.

Борьбу выбрали абсолютно все мальчишки. Ведь это один из самых универсальных видов. И прекрасная подготовка к взрослой жизни – отцов, воинов и просто крепких и стойких мужиков. Мы не гонимся за высокими результатами, просто каждый должен

честно трудиться и овладеть всем, что ему дают.

Я сам не тренирую: как-то неловко все-таки заниматься этим священнику, но процесс контролирую, ездю с ребятами на соревнования. Дети знают о моем спортивном прошлом и, кажется, уважают мои достижения. Я же не упускаю случая рассказать им об истории борьбы, о великих силачах наших, о спортивных секретах. Летом мы сплавляемся по рекам на плотах и байдарках, а зимой занимаемся спортивным ориентированием на лыжах. Кстати, каждое лето группу наших ребят с удовольствием принимает люберецкий спартаковский летний спортивный лагерь. А мы тоже с удовольствием приезжаем к нашим друзьям, поскольку связи с родным городом я не теряю ни на час.

Село наше – Барково – глухое, депрессивное. Потому и община пока небольшая. Но большой, великолепный храм построен с таким расчетом, что территория, с Божьей помощью, получит развитие. Я в это верю. Как и в спорте, здесь тоже надо трудиться и терпеть, стиснув зубы. Я убежден, что в нашей православной вере и в спорте законы во многом одни и те же.

Не скрою, сейчас нам тяжело. Но надо трудиться, ибо уныние – один из тяжких, смертных грехов.

*Записал монологи
Александр Трифонов
Фото из архива о. Сергия*

Бог в помощь, отец Мирослав!

В первом номере «Лампады» за этот год был напечатан рассказ православного священника из Чехии протоиерея Мирослава Вахаты о том, как двадцать лет назад семнадцать российских воинов погибли, спасая маленький городок Крупка от чудовищной силы взрыва. Батюшка написал об этом тепло и проникновенно, с той интонацией, что всегда присутствовала в общении народов-братьев.

Мы попросили журналистку Луизу Гладышеву, которая помогла нам организовать и подготовить эту публикацию (за что мы ей очень благодарны), подробнее рассказать об авторе заметки. Вот что она сообщила.

Батюшка Мирослав – волынский чех, родился в городке Полесское близ Чернобыля (после аварии на АЭС эти места попали в зону отчуждения). Жил с родителями в Киеве, учился в советской школе. В ладах с русским языком, совестью, справедливостью и другими близкими нам нравственными ценностями. В 90-х годах семья возвратилась на родину, в Чехию, и он служит Православию. Храм в Теплице взял на себя добровольно два года назад. Там произошла дикая, а по нынешним временам обычная история: местный настоятель, как говорят, прошел подготовку «у западных друзей» – разрушителей православной веры, стал непотребно вести себя. Увещевания не действовали. Когда прихожане начали возмущаться, он обвинил известных в городе людей в пособничестве КГБ и в других придуманных поступках. Средства массовой информации подхватили ложь. Были судебные разбирательства. Когда он покинул храм, там остались голые стены. Я это видела сама. В конце концов Священный Синод Православной Церкви в Чешских землях и Словакии лишил его сана. Прихожане, а там довольно большая и дружная православная община, стали просить настоятеля храма из Крупки отца Мирослава помочь им. За год батюшка с прихожанами вновь обустроили храм, возобновили службы и всю церковную деятельность. Готовятся открыть воскресную школу для детей. Помогают им бизнесмены и люди, которые могут внести в ремонт и благоустройство всего лишь свой труд.

Бог всем им в помощь!

Архиерейская служба в престольный праздник в крупском храме св. Вячеслава Чешского. В центре уже знакомый нам протоиерей Мирослав Вахата

Дмитрий Шеваров

Один среди немногих удерживающих

160 лет назад ослепший Сергей Тимофеевич Аксаков надиктовал последнюю страницу своей «Семейной хроники».

– Велика ли получилась книга? – спросил он внучку Олю.

Девочка положила ему на колени папку с рукописью. Старик осторожно покачал папку на руках: «Что-то легка очень моя тяжелая жизнь...».

Странная судьба у аксаковской «Семейной хроники»: о ней почти всякий слышал, но не многие читали. Чуть больше повезло ее продолжению, вышедшему под названием «Детские годы Багрова-внука». Настоящую же славу Аксакову принесла сказка «Аленький цветочек», оказавшаяся по воле автора в самом конце пятисотстраничной книги, в приложении к «Детским годам Багрова-внука».

«Семейная хроника», «Детские годы...» и «Аленький цветочек» образуют вместе что-то вроде матрешек, спрятанных друг в друга. И вот по нашей небрежности большая и средняя матрешки закатились куда-то в дальний угол, а на виду красуется лишь самая маленькая.

Книга вышла из печати в 1856 году, когда Россия вынуждена была оставить Севастополь и затопить Черноморский флот. Страна пребывала в унынии, в обществе происходило столь знакомое нам смешение всех понятий о добре и зле. И вот в этот плачевный для русского народа момент появляется книга, похожая скорее на длинное ободряющее письмо, чем на литературное произведение. В ней нет никакого прямого отклика на события современности, но «Семейную хронику» расхвывают, жадно читают, передают из рук в руки.

Многие старики или старухи говорили простые слова усердия и любви, иные даже плакали... Софья Николаевна была глубоко потрясена. «За что эти добрые люди готовы полюбить меня, а некоторые уже любят? – думала она. – Чем я заслужила их любовь?».

Книга поразила и самых искушенных знатоков литературы. «Семейной хроникой» очарованы Тургенев, Толстой, Достоевский... Вокруг нее примиряются враждующие лагеря критиков. Люди слишком устали от плохих новостей, от давящего официоза. Они устали и от собственно литературы, им захотелось тех слов, которыми багровские крестьяне в «Семейной хронике» встречают только что обвенчавшихся молодых – «простых слов усердия и любви».

Позднее в «Семейной хронике» найдут психологический и семейный роман с тончайшей оркестровкой чувств героев, но на переломе эпох читателю нет дела до жанра. Душа хватается за соломинку утешения, не разбирая нюансов стиля и композиции. Надо просто как-то продержаться, сохранить веру в образ Божий в человеке, удержаться. Аксаков оказался среди немногих удерживающих.

Вот почему его книги вдруг спускаются к нам с верхних полок в минуты крайних народных испытаний. В них люди находят то, что кажется уже истребленным вокруг, – поэзию природы, ощущение защищенности в теплом доме, простоту и добродушие семейных отношений.

Марина Цветаева до конца жизни с благодарностью вспоминала о том спасительном блаженстве, которое она испытала, читая «Семейную хронику» в голодной и голодной Москве 1921 года. Она говорила, что это было спасение «внутри себя, под веки, в глубь собственной груди, в свой единственный дом – Душу...». Она увидела, что аксаковская хроника – «не витрина музея... это живая, живучая и певучая русская мольвь, такая как она поет еще в далеких деревнях...».

Цветаева первая, еще в Праге в 1923 году, предугадала, как сильно и животворяще повлияет Аксаков на литературу русской эмиграции. Из абрамцевского халата Аксакова вышел и Иван Шмелев с «Летом Господним», и Алексей Толстой с «Детством Никиты», многие страницы И. Бунина и В. Набокова.

Не так уж много славы собрала аксаковская ветвь русской литературы, но когда хочется что-то перечитать, окунуться в детство, мы берем чеховскую «Степь», бунинскую «Жизнь Арсеньева», аста-

С.Т. Аксаков. Семейная хроника фьевский «Последний поклон»... Все это – драгоценная библиотека русской души, тот круг семейного домашнего чтения, начало которому положил Аксаков.

«Ненастная погода. Разумеется, половина времени проходила в чтении вслух; иногда мать читала мне сама, и читала так хорошо, что я слушал за новое – известное мне давно, слушал с особенным наслаждением и находил такие достоинства в прочитанных матерью страницах, каких прежде не замечал...».

Читая Аксакова, не устаешь удивляться тому, что время Интернета не прибавило нам мудрости и, строя семейную жизнь, мы наступаем на те же грабли, что и молодые Багровы два века назад. Кажется, вчитайся мы вовремя в старика Аксакова – и многих смешных, а то и ужасных ошибок могли бы легко избежать.

«Обуздать вспыльчивый нрав – половина счастья...».

«Страх – самое опасное чувство для любви, даже к отцу и к матери...».

«Жена должна обходиться с мужем с уважением, тогда и другие станут его уважать...».

«В убранстве дома вкус и забота заменяют деньги...».

«Семейную хронику» стоило бы вручать молодым после венчания в напутствие их счастья, ведь аксаковская хроника – ненавязчивое пособие по психологии семейной жизни. Сколько падений, страданий и драматических столкновений ждут Алексея и Софью Багровых, как они не подходят друг другу! «Невеста – чудо красоты и ума... жених – простенький, недалечный... невеста – бойка, жива – жених робок и вял... невеста начитанная – жених совершенный невежда... невеста с твердым, надменным, неуступчивым характером – жених слабый, смиренный...». Но мы видим, как шаг за шагом Сонечка и Алеша любовью и терпением преодолевают разность характеров, и на наших глазах с Божьей помощью рождается абсолютно гармоничная семья, оставшаяся для потомков высочайшим примером верности и счастья.

Как волно было дышать этим людям, как надежно их держала русская земля, как горячо, по-детски они молились Богу! Они мало видели, немного знали,

но многое любили. Они смотрели друг другу в глаза и не жалели времени на то, чтобы выслушать близкого человека и выговориться самим. И почему нам так трудно бывает найти для детей те ласковые, весенние слова, которые так просто, невзначай ронялись неграмотным дядькой Евсеичем, а западали маленькому Сереже Багрову в душу на всю жизнь...

Обаяние аксаковских книг во многом объясняется тем, что они были *рассказы* автором вслух, а не написаны. Не было мучительной работы над черновиками, вариантами. Воздух ласковости и почтения, которым был окружен в доме почти ослепший Сергей Тимофеевич, и сегодня легко угадывается за страницами аксаковской хроники. Аксаковское повествование по ходу своего течения вбирало в себя не только драгоценные черты прошлого, но и слова, звуки, прикосновения и дуновения настоящего.

Аксаковские книги, пожалуй, могли появиться только в большой и очень дружной семье, где отца (с легкой руки старшего сына) все ласково звали «отесинька». У Аксаковых детей никогда не выдворяли в детскую, они всегда сидели за общим столом, все труды, заботы, волнения были тут общими. Как пишет современный исследователь Елена Анненкова: «Воля детей у Аксаковых не ломалась – потребности бунта не возникало...». О том, что такое проблема отцов и детей, здесь узнали лишь из модного тогда романа И.С. Тургенева.

В этом теплом и нравственно обустроенном доме всегда можно было окликнуть кого-то родного: «Вот послушай, что я вспомнил...». И немисливо было, чтобы кто-то отмахнулся: «Да мне некогда... Да кому это интересно...».

Господь дал Сергею Тимофеевичу и его жене Ольге Семеновне десять детей! Шесть дочерей – Веру, Ольгу, Марию, Софью, Надежду, Любовь. Четырех сыновей. Старший, Константин, – нежнейший сын, натура романтическая и ранимая – остался в истории нашей культуры как поэт, историк, лингвист и прежде всего – как мыслитель особого склада. Многие его работы кажутся написанными сегодня. Он призывал русских не искать врагов, не бахвалиться, не унывать, а терпеливо трудиться над своим внутренним устройством. «Причина всех неудач наших – в нас самих, – писал он в дни Крымской войны, – мы сами, конечно, самый страшный наш противник. Настоящая опасность – внутри нас, от духа маловерия...».

Михаил подавал надежды как талантливый композитор, но умер на семнадцатом году от воспаления легких.

Иван в молодости служил по ведомству министерства внутренних дел, а вошел в историю как яркий публицист, талантливый редактор, создатель Славянского благотворительного общества, почитаемый и поныне в Болгарии как герой борьбы за освобождение от турецкого ига. Когда он умер в 1886 году, проститься с ним вышли более ста тысяч москвичей...

Григорий в 1867 году стал самарским губернатором, и в Самаре его до сих пор поминают добром. Ему было далеко до всенародной известности Ивана и Константина, но так получилось, что лишь по линии Григория продолжился род Аксаковых. Десятилетней дочке Григория, своей внучке Оле, Сергей Тимофеевич посвятил «Аленький цветочек». Ольге Григорьевне остался архив дедушки, который она сумела сберечь от войн, революций и пожаров. Не один раз ей буквально из огня приходилось выносить бумаги деда.

Одни дети Сергея Тимофеевича прославились, другие остались в тени, но все они выросли достойнейшими людьми, ничем и никогда не запятнанными родовой фамилии. Каждый из них играл в семье свою неповторимую мелодию, прислушиваясь, как в хорошем оркестре, к тем, кто рядом. «Тяжел подвиг жизни, но общими силами подыдем его и понесем...» – говорила своим братьям и сестрам Вера Аксакова.

Дом Аксаковых был распахнут для всех новых членов семьи, им оставалось лишь вслушаться в дыхание Абрамцева, в его духовно напряженную жизнь. Но чтобы стать своим или своей в этом доме, конечно, нужны были немалые духовные силы и полная искренность. Вскоре после смерти отца Иван Аксаков писал своей будущей жене: «Как бы мне хотелось, чтоб ты могла покороче познакомиться с маменькой и чтоб она могла суметь передать тебе все-все предания аксаковского рода, все семейные поверья и обычаи... А ты могла бы это передать в свою очередь нашим детям... И как охотно бы она это исполнила, и как любит она это рассказывать...».

В соавторах у Сергея Тимофеевича оказалась вся его семья, и прежде всего дочь Вера, записывавшая за отцом. Ее дневник сохранил нам первые отклики на книгу. Из дневника Веры Аксаковой, 8 января 1855 года: «Целый день Константин читал Самарину отесинькины записки. Самарин просил убедительно прочесть все, что только было написано без него. Самарин был в совершенном восхищении... Он сделал очень верное замечание. “Сергей Тимофеевич, – сказал он, – представляя человека, не идет путем разложения и анализа, но сохраняет его в целостности, передает его в полноте, как оно есть, а

между тем вы видите все подробности, и от этого такая свежесть, цельность, жизнь во всем”. Это правда, и совершенно противоположное встречаем мы во всех писателях нашего времени; между ними есть и весьма замечательные и даровитые люди, но все они принадлежат к одному разбору, все аналитики, дагерротиписты, лишшающие свой предмет жизни и души...».

Нынешнего читателя отпугивает щедрое многословие аксаковских книг, нам утомительны перечисления то названий птиц, то грибов, то несметного числа гостей, странен простодушный и безобидный юмор... А все это черты той давно исчезнувшей Москвы, которую князь Вяземский называл «внутренними покоями русской жизни».

Аксаковы были семьей старомосковской, они жили с той открытостью, доверчивостью и хлебосольством, которые были невозможны в северной столице. Петербургский писатель никогда бы не начал свою книгу с раздумчивых нерешительных слов: «Не сказать ли вам наперед, что за человек был мой дедушка?...». Так и слышишь, как автор вздыхает, поглубже и поудобнее устраиваясь в кресле, а Вера шуршит бумагой, приготовляясь записывать. О таких вечерах она рассказывала в дневнике: «Вечером обычно производится общее чтение, часто заводятся разговоры. С соседями мы ни с кем не знакомились еще, да лучше, кажется, и не знакомиться, нам, благодаря Бога, так хорошо в семье своей...».

И то, что Аксаковы большую часть года жили в Абрамцеве, под Москвой, в тринадцати верстах от Троице-Сергиевой лавры, – очень важная подробность для понимания истоков великой книги Сергея Тимофеевича. Ведь Сережа Аксаков появился на свет по родительским молитвам преподобному Сергию Радонежскому. Абрамцево же было приобретено Аксаковым в декабре 1843 года – как раз в канун начала работы над «Семейной хроникой».

«...И в самом деле, при благоприятных обстоятельствах родился этот младенец! Мать, нося его, была совершенно здорова; никакие домашние неудовольствия не возмущали в это время жизни его родителей; кормилица нашлась такая, каких матерей бывает немного... желанный, прошенный и моленный, он не только отца и мать, но всех обрадовал своим появлением на белый свет...».

Кажется, нам еще предстоит открыть, какое это сокровище для России – семейная симфония Аксаковых. Как много нам может дать эта отдаленная, почти затихшая музыка, если мы воскресим ее бережным прикосновением к письмам, судьбам, к теплым и поныне абрамцевским стенам.

Сергей Тимофеевич Аксаков

ДЕТСКИЕ ГОДЫ
БАГРОВА-ВНУКА
(отрывок)

Я начинаю себя помнить уже очень больным, и не в начале болезни, которая тянулась с лишком полтора года, не в конце ее (когда я уже оправлялся), – нет, именно помню себя в такой слабости, что каждую минуту опасались за мою жизнь. Один раз, рано утром, я проснулся или очнулся, и не узнаю, где я. Все было незнакомо мне: высокая, большая комната, голые стены из претолстых новых сосновых бревен, сильный смолистый запах; яркое, кажется летнее, солнце только что всходит...

Подле меня тревожно спит, без подушек и нераздетая, моя мать. Как теперь, гляжу на черную ее косу, растрепавшуюся по худому и желтому ее лицу. Меня кануне перевезли в подгородную деревню Зубовку, верстах в десяти от Уфы. Видно, дорога и произведенный движением спокойный сон подкрепили меня; мне стало хорошо и весело, так что я несколько минут с любопытством и удовольствием рассматривал сквозь полог окружающие меня новые предметы.

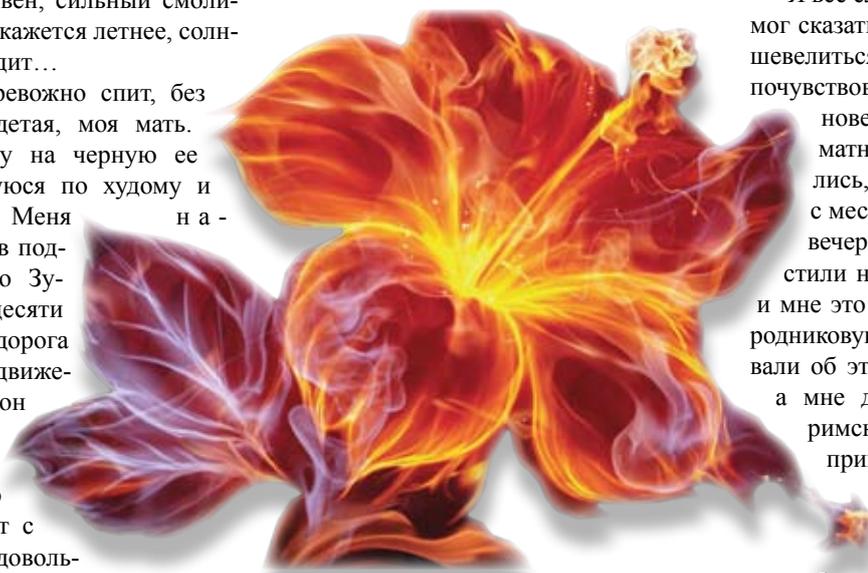
Я не умел поберечь сна бедной моей матери, тронул ее рукой и сказал: «Ах, какое солнышко! Как хорошо пахнет!». Мать вскочила, в испуге сначала, и потом обрадовалась, вслушавшись в мой крепкий голос и взглянув на мое посвежевшее лицо. Как она меня ласкала, какими называла именами, как радостно плакала... этого не расскажешь!

Я иногда лежал в забытии, в каком-то среднем состоянии между сном и обмороком; пульс почти переставал биться, дыхание было так слабо, что прикладывали зеркало к губам моим, чтобы узнать, жив ли я; но я помню многое, что делали со мной в то время и что говорили около меня, предполагая, что я уже ничего не вижу, не слышу и не понимаю, – что я умираю. Доктора и все окружающие давно осудили меня на смерть: доктора – по несомненным медицинским признакам, а окружающие – по несомненным дурным приметам, неосновательность и ложность

которых оказались на мне весьма убедительно. Страданий матери моей описать невозможно, но восторженное присутствие духа и надежда спасти свое дитя никогда ее не оставляли.

«Матушка Софья Николаевна, – не один раз говорила, как я сам слышал, преданная ей душою дальняя родственница Чепрунова, – перестань ты мучить свое дитя; ведь уж и доктора и священник сказали тебе, что он не жилец...».

Но с гневом встречала такие речи моя мать и отвечала, что, покуда искра жизни тлеет в мне, она не перестанет делать все, что может, для моего спасенья, – и снова клала меня, бес-

чувственного, в крепительную ванну, вливала в рот рейнвейну или бульону, целые часы растирала мне грудь и спину голыми руками, а если и это не помогало, то наполняла легкие мои своим дыханьем – и я, после глубокого вдоха, начинал дышать сильнее, как будто просыпался к жизни, получал сознание, начинал принимать пищу и говорить и даже поправлялся на некоторое время. Так бывало не один раз. Я даже мог заниматься своими игрушками, которые расставляли подле меня на маленьком столике; разумеется, все это делал я лежа в кровати, потому что едва шевелил своими пальцами.

Но самое главное мое удовольствие состояло в том, что приносили ко мне мою милую сестрицу, давали поцеловать, погладить по головке, а потом нянька садилась с нею против меня, и я подолгу смотрел на сестру, указывая то на одну, то на другую мою игрушку и приказывая подавать их сестрице.

Заметив, что дорога мне как будто полезна, мать ездила со мной беспрестанно: то в подгородные деревушки своих братьев, то к знакомым помещикам; один раз, не знаю куда, сделали мы большое путешествие; отец был с нами. Дорогой, довольно рано поутру, почувствовал я себя так дурно, так я ослабел, что принуждены были остановиться; вынесли меня из кареты, постлали постель в высокой траве лесной поляны, в тени дерев, и положили почти безжизненного. Я все видел и понимал, что около меня делали. Слышал, как плакал отец и утешал отчаянную мать, как горячо она молилась, подняв руки к небу.

Я все слышал и видел явственно и не мог сказать ни одного слова, не мог пошевелиться – и вдруг точно проснулся и почувствовал себя лучше, крепче обыкновенного. Лес, тень, цветы, ароматный воздух мне так понравился, что я упрямился не трогать меня с места. Так и простояли мы тут до вечера. Лошадей выпрягли и пустили на траву близехонько от меня, и мне это было приятно. Где-то нашли родниковую воду; я слышал, как толковали об этом; развели огонь, пили чай, а мне дали выпить отвратительной римской ромашки с рейнвейном, приготовили кушанье, обедали, и все отдыхали, даже мать моя спала долго. Я не спал, но чувствовал необыкновенную бодрость и какое-то внутреннее удовольствие и спокойствие, или, вернее сказать, я не понимал, что чувствовал, но мне было хорошо. Уже довольно поздно вечером, несмотря на мои просьбы и слезы, положили меня в карету и перевезли в ближайшую на дороге татарскую деревню, где и ночевали. На другой день поутру я чувствовал себя также свежее и лучше против обыкновенного.

Когда мы воротились в город, моя мать, видя, что я стал немножко покрепче, и сообразя, что я уже с неделю не принимал обыкновенных микстур и порошков, помолилась Богу и решила оставить уфимских докторов, а принялась лечить меня по домашнему лечебнику Бухана. Мне становилось час от часу лучше, и через несколько месяцев я был уже почти здоров; но все это время, от кормежки на лесной поляне до настоящего выздоровления, почти совершенно изгладилось из моей памяти.

Впрочем, одно происшествие я помню довольно ясно; оно случилось, по

уверению меня окружающих, в самой середине моего выздоровления...

Чувство жалости ко всему страдающему доходило во мне, в первое время моего выздоровления, до болезненного излишества. Прежде всего это чувство обратилось на мою маленькую сестрицу: я не мог видеть и слышать ее слез или крика и сейчас начинал сам плакать; она же была в это время нездорова. Сначала мать приказала было перевести ее в другую комнату; но я, заметив это, пришел в такое волнение и тоску, как мне после говорили, что поспешили возвратить мне мою сестрицу. Медленно поправляясь, я не скоро начал ходить и сначала целые дни, лежа в своей кровати и посадив к себе сестру, забавлял ее разными игрушками или показываюшем картинок.

Игрушки у нас были самые простые: небольшие гладкие шарики или кусочки дерева, которые мы называли чурочками; я строил из них какие-то клетки, а моя подруга любила разрушать их, махнув своей ручонкой.

Потом начал я бродить и сидеть на окошке, растворенном прямо в сад. Всякая птичка, даже воробей, привлекала мое внимание и доставляла мне большое удовольствие.

Мать, которая все свободное время от посещения гостей и хозяйственных забот проводила около меня, сейчас достала мне клетку с птичками и пару ручных голубей, которые ночевали под моей кроватью.

Мне рассказывали, что я пришел от них в такое восхищение и так его выражал, что нельзя было смотреть равнодушно на мою радость. Один раз, сидя на окошке (с этой минуты я все уже твердо помню), услышал я какой-то жалобный визг в саду; мать тоже его услышала, и когда я стал просить, чтобы послали посмотреть, кто это плачет, что «верно, кому-нибудь больно», – мать послала девушку, и та через несколько минут принесла в своих пригоршнях крошечного, еще слепого, шеночка, который, весь дрожа и не твердо опираясь на свои кривые лапки, тыкаясь во все стороны головой, жалобно визжал, или скучал, как выражалась моя нянька. Мне стало так его жаль, что я взял этого шеночка и закутал его своим платьем. Мать приказала принести на блюде тепленького молочка, и после многих попыток, толкая рыльцем слепого кутенка в молоко, выучили его лаять. С этих пор щенок по целым часам со мной не расставался; кормить его по нескольку раз в день сделалось моей любимой забавой; его называли Суркой, он сделался потом небольшой дворняжкой и жил у нас семнадцать лет, разумеется, уже не в комнате, а на дворе, сохраняя всегда необыкновенную привязанность ко мне и к моей матери.

Выздоровление мое считалось чудом, по признанию самих докторов. Мать приписывала его, во-первых, бесконечному милосердию Божию, а во-вторых, лечебнику Бухана. Бухан получил титул

моего спасителя, и мать приучила меня в детстве молиться Богу за упокой его души при утренней и вечерней молитве.

Впоследствии она где-то достала гравированный портрет Бухана, и четыре стиха, напечатанные под его портретом на французском языке, были кем-то переведены русскими стихами, написаны красиво на бумажке и наклеены сверх французских. Все это, к сожалению, давно исчезло без следа.

Я приписываю мое спасение, кроме первой вышеприведенной причины, без которой ничто совершиться не могло, – неусыпному уходу, неослабному попечению, безграничному вниманию матери и дороге, то есть движению и воздуху.

...Моя мать не давала потухнуть во мне догоровшему светильнику жизни: едва он начинал угасать, она питала его магнетическим излиянием собственной жизни, собственного дыхания. Прочла ли она об этом в какой-нибудь книге или сказал доктор – не знаю. Чудное целительное действие дороги не подлежит сомнению. Я знал многих людей, от которых отступались доктора, обязанных ей своим выздоровлением. Я считаю также, что двенадцатичасовое лежанье в траве на лесной поляне дало первый благотворный толчок моему расслабленному телесному организму. Не один раз я слышал от матери, что именно с этого времени сделалась маленькая перемена к лучшему.

ВЕХИ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА

1791, 20 сентября. Родился в Уфе в семье помещика Тимофея Степановича Аксакова и его супруги Марии Николаевны, урожденной Зубовой.

1792–1799. Годы раннего детства в Уфе и дедовском имении Ново-Аксаково.

1801. Поступает в Казанскую гимназию.

1805. Зачисление в студенты Казанского университета.

1808. Отъезд в Петербург. Служба переводчиком в Комиссии составления законов.

1811. Выход в отставку.

1816. Женитьба на дочери суворовского генерала Ольге Семеновне Заплатиной.

1826. Переселение в Москву с женой и детьми Константином, Верой и Иваном.

1827–1832. Служба цензором. Знакомство с Н.В. Гоголем.

1833–38. Служба инспектором, а потом директором Межевого института.

1843. Приобретение подмосковного имения Абрамцево.

1845. Частичная потеря зрения. Диктовка «Записок об ужении рыбы».

1855. Работа над «Семейной хроникой».

1858. Выход в свет книги «Детские годы Багрова-внука».

1859. В ночь с 29 на 30 апреля С.Т. Аксаков скончался в Москве, в доме на Кисловке. Был похоронен на кладбище Симонова монастыря.

ЧТО ЧИТАТЬ У АКСАКОВА

Аленький цветочек

Записки об ужении рыбы

Записки ружейного охотника Оренбургской губернии

Семейная хроника

Детские годы Багрова-внука

История моего знакомства с Гоголем

Очерк зимнего дня

Наташа

ОТВЕТ ИЗ ГЛУБИНЫ ДУШИ Из истории душеполезной переписки Н.В. Гоголя

Н.В. Гоголь. Портрет работы художника Ф.А. Моллера. 1840 г.

Прежде всего это доверие к Богу. Человек должен себя и свою жизнь предоставить Богу. Это значит, что каждое событие своей жизни он должен рассматривать как слова Бога к нему. Они посылаются, чтобы он мог совершенствоваться, бороться со своими недостатками, учиться любить Бога и ближнего и вследствие этого обрести жизнь вечную. Особенно внимательно нужно относиться к случающимся несчастьям. Понять их смысл особенно важно, так как они даются для духовного роста человека. Если не удастся понять смысл происходящих событий, то нужно усиленно молиться о том, чтобы это понимание пришло. Об этом Гоголь часто писал своим адресатам.

Николай Васильевич подчеркивал, что нравственное совершенствование человека – это не только его личное дело. Оно влияет и на все общество. Многие современники связывали надежды с реформами, которые должны были решить проблемы российского общества. Гоголь же был уверен, что только внешних преобразований еще недостаточно. Необходимо прежде всего нравственно совершенствоваться каждому. Ведь преобразования осуществляются людьми, и от того, каковы они, зависит конечный результат.

Мысли Гоголя актуальны и в наше время. С тех пор, когда жил и творил

Эти письма – важная часть его духовной прозы¹. В своих наставительных, поучительных посланиях друзьям, родственникам, знакомым Николай Васильевич предстает как религиозный мыслитель. Главная особенность его философии – практический подход к пониманию и исполнению религиозных заповедей, своего рода «практическое христианство» (по выражению В.В. Зеньковского). Каковы же основные мысли Гоголя?

¹ Душеполезные письма Гоголя собраны в книге «Н.В. Гоголь. Из писем. “Что может доставить пользу душе”» (М., 2006). В 2014 г. вышло новое издание.

Гоголь, минуло уже более полутора веков. Произошло множество реформ и революций. Однако проблема нравственного уровня человека и общества стала лишь злободневнее. Поэтому сегодняшним читателям Гоголь как духовный писатель может быть даже более понятен, чем его современникам.

* * *

Одним из адресатов Гоголя был его старший современник, прославленный поэт Василий Андреевич Жуковский. Гоголь познакомился с ним еще в юности – будучи 21-летним начинающим литератором, подающим большие надежды. Несмотря на разницу в общественном положении, между ними сложились дружеские отношения, продолжившиеся до конца их жизни. И даже умерли они в один год с разницей около месяца: Гоголь – в возрасте 42 лет, Жуковский – не дожив года до семидесятилетия.

В письмах Гоголя к Жуковскому (как и к другим адресатам) со временем все более внятно звучит голос проповедника. Хотя значительно моложе, но сам уже в зрелых летах, Гоголь находит

В.А. Жуковский. Портрет работы художника К.П. Брюллова

и для своего старшего друга душеполезные слова, как правило, светлые и возвышенные, каким был и общий тон их взаимоотношений. Вот характерный отрывок из письма 1842 года:

«Будьте светлы, ибо светло грядущее; и чем темней помрачается на мгновение небосклон наш, тем радостней должен быть взор наш, ибо потемневший небосклон есть вестник светлого и торжественного прояснения. Безгранична, бесконечна, беспредельней самой вечности беспредельная любовь Бога к человеку»².

А спустя три года Гоголь уже выступает как умудренный жизнью человек и христианин. Душевым участием и даже конкретным советом он стремится помочь другу преодолеть полосу житейских неурядиц:

«Не делайте никого свидетелем излишней досады или огорчений, не сообщайте никому тревожных беспокойств ваших, но обратитесь с ними прямо к одному Богу. Его одного изберите вашим другом и поверенным ваших беспокойств, жалуйтесь перед Ним, лейте слезы перед Ним, просите с тем вместе прощения у Него за неблагодарность, за малодушие, просите о ниспослании сил истребить в себе то и другое и победить их – и вы их победите и возвратитесь утешенным и твердым от вашей молитвы. Ужели вы не верите этому? Ужели Тот, Кто одарил вас таким множеством благ, откажет вам и в этом?» (XII, 452–453).

* * *

Павел Васильевич Анненков – один из приятелей Гоголя, почти ровесник, знакомство с которым началось еще в юности и продолжалось всю жизнь.

² Н.В. Гоголь. Полн. собр. соч. в 14 тт. М., 1937–1952. Т. XII, сс. 70–71. В дальнейшем все ссылки на это издание даются в тексте.

П.В. Анненков

Он был литератором, писал критические статьи, очерки, много путешествовал. За границей в начале 1840-х годов часто встречался с Гоголем. В то время Николай Васильевич заканчивал работу над первым томом «Мертвых душ», и Анненков летом 1841 года помогал ему переписывать рукопись поэмы. Гоголь читал текст вслух по своей тетради, а Анненков записывал под его диктовку.

Талантливый мемуарист, Анненков оставил интересные воспоминания о встречах с Гоголем и другими выдающимися современниками. Однако он не сочувствовал духовным исканиям друга, и хотя это не нарушило их отношений, но некое непонимание все же появилось. Это отразилось и в письмах Гоголя к Анненкову более позднего периода. Вот письмо 1844 года:

«Если б мы все, вместо того, чтоб рассуждать о духе времени, взглянули, как должно, всякий на самого себя, мы больше бы гораздо выиграли. Кроме того, что мы узнали бы лучше, что в нас самих заключено и есть, мы бы приобрели взгляд яснее и многосторонней на все вещи вообще и увидели бы для себя пути и дороги там, где греховное уныние все тьмит перед нами, и вместо путей и дорог показывает нам только самое себя, т. е. одно греховное уныние. Злой дух только мог подшепнуть вам мысль, что вы живете в каком-то переходящем веке, когда все усилия и труды должны пропасть без отзыва в потомстве и без ближайшей пользы кому. Да если бы только хорошо осветились глаза наши, то мы увидели бы, что на всяком месте, где б ни довелось

нам стоять, при всех обстоятельствах, каких бы то ни было, споспешествующих или поперечных, столько есть дел в нашей собственной, в нашей частной жизни, что, может быть, сам ум наш помутился бы от страха при виде неисполнения и пренебрежения всего, и уныние недаром бы тогда закралось в душу. По крайней мере, оно бы тогда было более прощительно, чем теперь. <...>

Всяких мнений о нашем веке и нашем времени я терпеть не могу, потому что они все ложны, потому что производятся людьми, которые чем-нибудь раздражены или огорчены... Напишите мне о себе самом только тогда, когда почувствуете сильное неудовольствие против себя самого, когда будете жаловаться не на какие-нибудь помешательства со стороны людей, или века, или кого бы то ни было другого, но когда будете жаловаться на помешательство со стороны своих же собственных страстей, лени и недеятельности умственной» (XII, 298–299).

А это письмо 1847 года:

«Мы все идем к тому же, но у всех нас разные дороги, а потому, куда еще не пришли, мы не можем быть совершенно понятными друг другу. Все мы ищем того же: всякий из мыслящих ныне людей, если только он благороден душой и возвышен чувствами, уже ищет законной желанной середины, уничтоженья лжи и преувеличенностей во всем и снятия грубой коры, грубых толкований, в которые способен человек облекать самые великие и с тем вместе простые истины. Но все мы стремимся к тому различными дорогами, смотря по разнообразию данных нам способностей и свойств, в нас работающих. Один стремится к тому путем религии и самопознания внутреннего, другой – путем изысканий исторических и опыта (над другими), третий – путем наук естественных, четвертый – путем поэтического постигновенья и орлиного соображенья вещей, не обхватываемых взглядом простого человека, словом – разными путями, смотря по большему или меньшему в себе развитию преобладающему в нем заключенной способности. <...>

У всякого лежит какая-нибудь правда. Правду эту усмотреть может только всесторонний и *полный* гений, который получил на свою долю полную организацию во всех отношениях. Прочие

люди будут путаться, сбиваться, мешаться, привязываться к словам и попадать в бесконечные недоразумения. Вот почему всякому необыкновенному человеку следует до времени не обнаруживать своего внутреннего процесса, которые совершаются теперь повсеместно, и прежде всего в людях, стоящих впереди: всякое слово его будет принято в другом смысле, и что в нем состоянье *переходное*, то будет принято другими за *нормальное*. Вот почему всякому человеку, одаренному талантом необыкновенным, следует прежде состроиться сколько-нибудь самому. <...>

Вы напрасно чуждаетесь специального труда. Какой-нибудь специальный труд должен быть непременно у каждого из нас. Сверх пребывания на боевой вершине современного движения, нужно иметь свой собственный уголок, в который можно было бы на время уходить от всего. Нельзя, чтобы каждый из нас не получил на долю свою какой-нибудь способности, ему принадлежащей; нельзя, чтобы не было ее и у вас. Иначе мы бы все походили друг на друга как две капли воды, и весь мир был бы одна мануфактурная машина. Без этого специального труда не образуется характер индивидуала, из которых слагается общество, *идущее вперед*. Без этих своеобразно работающих единиц *не быть* общему прогрессу» (XIII, 382–385).

* * *

Поэт Николай Михайлович Языков появился в жизни Гоголя прежде всего своими стихами. Они стали друзьями, вместе путешествовали за границей, а разлучаясь – переписывались. Языков в последние годы жизни тяжело болел, поэтому в письмах Гоголя к нему так много о духовной стойкости. Гоголь рассматривает и борьбу человека с болезнью, и служение поэта искусству как ревностный христианин, который должен соединять в своей жизни смирение и дерзновение. Таково, в частности, это письмо 1843 года:

«Письмо твое <...> меня порадовало душевно. Порадовало потому, что я в нем <...> прозреваю (вследствие моего чутья внутреннего), что от тебя не так далеко время писанья и работы. Остается испросить вдохновенья. Как это сделать? Нужно послать из души нашей к нему стремление: чего не поищешь,

Н.М. Языков. С литографии 1839 г.

того не найдешь, говорит пословица. Стремление есть молитва. Молитва не есть словесное дело; она должна быть от всех сил души и всеми силами души; без того она не взлетит. Молитва есть восторг. Если она дошла до степени восторга, то она уже просит о том, чего Бог хочет, а не о том, чего мы хотим. Как узнать хотение Божие? для этого нужно взглянуть разумными очами на себя и исследовать себя: какие способности, данные нам от рождения, выше и благороднее других, теми способностями мы должны работать преимущественно, и в сей работе заключено хотение Бога, иначе они не были бы нам даны. Итак, прося о пробуждении их, мы будем просить о том, что согласно с Его волею. Стало быть, молитва наша прямо будет услышана. Но нужно, чтобы эта молитва была от всех сил души нашей. <...>

На болезнь нужно смотреть, как на сражение. Сражаться с нею, мне кажется, следует таким же образом, как святые отшельники говорят о сражении с дьяволом. С дьяволом, говорят они, нельзя сражаться равными силами, на такое сражение нужно выходить с большими силами, иначе будет вечное сражение. Сам его не победишь, но, взлетевши молитвой к Богу, обратишь его в ту же минуту в бегство. То же нужно применить и к болезни» (XII, 232–236).

Письма к Языкову обстоятельны, подробны. Из них видно, как внимательно вникает Гоголь в судьбу своего друга, в его беду, и стремится быть ему максимально полезным своим душевным, мудрым словом. Это целые про-

поведи, предназначенные для конкретного человека, – для того чтобы помочь его душе на пути к Богу. Однако, говоря о проблемах своего друга, Гоголь высказывает столь глубокие мысли, что они могут быть интересны и полезны другим – всем нам, встречающимся в жизни с подобными проблемами и нуждающимися в душевном слове. Вот еще несколько отрывков из писем к Языкову, написанных в 1844 году:

«Много есть на всяком шагу тайн, которых мы и не стараемся даже вопрошать. Спрашивает ли кто-нибудь из нас, что значат нам случающиеся препятствия и несчастья, для чего они случаются? Терпеливейшие говорят обыкновенно: так Богу угодно. А для чего так Богу угодно? Чего хочет от нас Бог сим несчастьем? – этих вопросов никто не задает себе. Часто мы должны бы просить не об отвращении от нас несчастий, но о прозрении, о проразумении тайного их смысла и о просветлении очей наших. <...>

Почему знать, может быть, томления и страдания именно ниспосылаются тебе для того, чтобы ты восчувствовал эти томления и страдания во всей их страшной силе, чтобы мог потом представить себе во всей силе положение брата своего, находящегося в подобном положении, какого положения ты никогда бы не мог представить себе, если бы не испытал его на себе самом, чтобы душа твоя подвинулась бы всею силою нежной любви к нему, сильнейшей, чем та любовь, которую мы стремимся показывать, чтобы душа твоя проникнулась всею силою сострадания, сильнейшего, чем наше бледное и холодное сострадание. <...>

Не часто ли, в минуты бедствий произносит человек: «Господи, за что это приходится мне терпеть столько? Кажется, я никому не сделал зла на своем веку, никого не обидел». Но что скажет он, если в душе раздадутся в ответ на это такие слова: «А что сделал ты добра? Или ты призван затем, чтобы не делать только зла? Где твои прямо христианские дела? Где свидетельства сильной любви твоей к ближнему, первого условия христианина? где они?». Увы! может быть, даже и тот, который находится при смерти, и тот не избавлен от обязанностей христианских; может быть, и тогда не имеет он права быть эгоистом и думать о себе, а

должен помышлять о том, как и самими страданиями своими быть полезен брату, может быть, оттого так и невыносимы его страдания, что он позабыл о своем брате.

Много еще тайн для нас, и глубокий смысл несчастий! Может быть, эти трудные минуты и томления ниспосылаются тебе для того, чтобы довести тебя именно до того, о чем ты просишь в молитвах, может быть, даже нет к тому иной дороги, нет другого законнейшего и мудрейшего пути, как именно этот путь. Нет, не будем пропускать даром ничего, что бы ни случилось с нами, и будем ежеминутно молиться об уяснении очей наших. Будем добиваться ответа из глубины душ наших и, что найдем там в утешение себе, да поделимся братски» (XII, 261–263).

«Друг! молись, да Бог одушевит тебя и ниспослет силы поработать Ему же. Только одной этой дорогой, а не какой-либо другой, ты можешь к Нему приблизиться. Только тем путем должен каждый из нас стремиться к Нему, для которого Им же Самим даны нам орудия, способности и средства: прочие все пути будут окольные и кривые, а не прямые и кратчайшие. <...>

Только одна та помощь будет теперь действительна в России, которая будет сделана любовью. Всякая другая будет временна. Всему предстоят препятствия, везде предстанут неудачи. Одной только любви нет препятствий: ей всюду свободно и всюду открыт путь. <...>

Мы все так странно и чудно устроены, что не имеем сами в себе никакой силы, но как только подвигнемся на помощь другим, сила вдруг в нас является сама собою. Так велико в нашей жизни значение слова: другой и любовь к другому. Эгоистов бы не было вовсе, если бы они были поумнее и догадались сами, что стоят только на нижней ступеньке своего эгоизма и что только с тех пор, когда человек перестает думать о себе, с тех только одних пор он начинает думать истинно о себе и становится таким образом самым расчетливейшим из эгоистов. А потому и ты, друг мой, не думай о своей собственной хандре, хотя бы она и пришла к тебе, а думай о том, что в это время находятся другие в хандре и что следует их развеселять, а не себя – и хандра твоя исчезнет» (XII, 423–424).

Вадим Рутковский

Качи-Кальон: здесь можно пасть, а можно – подняться

На вершине огромной скалы внезапно возник еле различимый человеческий силуэт. Постояв несколько мгновений у края обрыва, человек быстро отошел назад, на пару секунд исчезнув из виду. Затем появился вновь и, стремительно пробежав несколько метров, отделился от могучей каменной громады.

Крохотная фигурка уменьшилась до размеров чуть заметной на фоне облачного неба черной точки, которая зависла в открытом пространстве. У меня перехватило дыхание и резко сжалось сердце, но я не успел даже ахнуть, как точка камнем полетела вниз. В моей голове только пронеслось: «Конец!». Однако тут же над точкой раскрылся купол парашюта. Слава Богу!.. Я успел запечатлеть только финальные этапы благополучного приземления смельчака.

Качи-Кальон. Знаменитый крымский горный массив, весь в фантастически живописных естественных пещерах, расположен недалеко от Бахчисарая, бывшей столицы некогда могущественного Крымского ханства. Ежегодно сюда приезжают в поисках острых ощущений десятки готовых бросить вызов судьбе, испытать, как им кажется, силу духа, характер, пощекотать нервы. В этом году в лагере таких «романтиков» довелось побывать и мне. Хотелось ближе рассмотреть этих людей, понять, что заставляет юных парней и девушек совершать над собой рискованные эксперименты, по сути, играть со смертью.

Мои новые знакомые оказались вполне благополучными, успешными, по современному житейским стандартам, людьми. Среди них много менед-

жеров, финансистов, программистов, юристов. Добавьте к этому списку еще пяток-другой модных нынче профессий – и вы не ошибетесь: их представители тоже могут оказаться среди этого экзотического контингента. Они трудятся в процветающих компаниях, на работу ездят в дорогих авто, их трудовые будни протекают в современных, комфортабельных и благоустроенных офисах.

Казалось бы, жизнь удалась, «все в шоколаде» и в самый раз, подобно богачу из новозаветной притчи, сказать себе: «...душа! много добра лежит у тебя на многие годы: покойся, ешь, пей, веселись» (Лк. 12:19). Однако почему-то нейдет душе, причем настолько, что тот, кому она принадлежит, готов на все, лишь бы унять снедающую ее тоску. Это уже не онегинский «недуг, которого причину / Давно бы отыскать пора». «Лишний человек» из XIX века, страдающий, по А.С. Пушкину, «русской хандрой», в сравнении с «героями нашего времени» существующее дитя по части поисков (и находок) способов самоудовлетворения. Поэт говорит об Онегине: «Он застрелиться, слава Богу, / Попробовать не захотел...». О «сынах века сего» (см. Лк. 16:8) так уже не сказать. Все эти трейнсёрферы (зацеперы), джамперы, риферы, стрит-рейсе-

ры¹ – люди, чье амплуа на сцене жизни – игры со смертью, причем высшее наслаждение они получают от самой игры.

На вопрос, что им дает прыжок с веревкой или парашютом с высоченной скалы, большинство ответило приблизительно так: «Хотим пересилить свои страхи, почувствовать полет, увидеть очень быстро приближающуюся твердую землю и вкусить радость жизни в нескольких метрах над поверхностью...». А один выразился еще яснее и категоричнее: «В момент полета мне кажется, что я становлюсь подобным ангелу! В этот миг я ощущаю, что нет на свете ничего такого, что я не мог бы совершить... И мне в принципе все равно, останусь я жив или разобьюсь!». Сказать, что меня огулило такое заявление, – это не сказать ничего! Беседуя

¹ Трейнсёрферы (зацеперы) – поклонники крайне опасного и безрассудного увлечения – катания на крышах наземных и подземных поездов или зацепившись за последний вагон идущего состава; джамперы – любители экстремальных прыжков с помощью различных приспособлений и без них (разумеется, без страховки); риферы – прыгуны-путешественники по крышам зданий; стрит-рейсеры – гонщики на мотоциклах по ночным улицам на бешеной скорости. Примечательно, что все эти термины пришли к нам из английского языка, как и сами дикие увлечения – с Запада.

с джамперами, сложнее всего было заглядывать в их глаза. Я не мог избавиться от ощущения, что в этих пламенных очах играют какие-то недобрые огоньки. Иногда казалось, что стоящие перед мной люди не вполне самостоятельно управляют своей волей. Возникло чувство, что своими мыслями они не здесь, не с нами... Но где и с кем?

Проще всего было бы назвать их религию и философию фатализмом. Проще – для того, чтобы не углубляться в их жизненную... даже не драму – в их жизненную трагедию. Вдумайтесь только: откуда в этих едва покинувших тинейджерский возраст юношах и девушках столь тяжелое, депрессивное состояние – вера в предопределенность бытия и – как следствие – отсутствие воли к жизни и пренебрежение собственной жизнью, этим бесценным даром Божиим? Ответ, как ни странно, прост и однозначен – от духовной пустоты. Что вовсе не означает, будто люди эти примитивны, малообразованны или дурно воспитаны. Многие свободно владеют иностранными языками, «на» ты с новейшими достижениями в области электроники, объездили десятки стран, знают толк в искусстве, особенно современном, и вообще в красивой жизни. Духовная пустота – совсем иное. Это когда в душе нет Бога. А ей без Него никак нельзя. Потому что плоть дали человеку мама и папа, а бессмертную душу вдохнул в него Сам Господь. Об-

ратите внимание: не случайно *душа*, *дух* и *вдохнуть* – слова общей этимологии.

Заменить Бога – как ни тцись – нельзя ничем. И наш секулярный мир, зная это или не понимая, подкидывает осиротевшей душе все новые арбузные корки. Но если мажоры² пушкинской поры (тогда еще человек не так далеко оторвался от Бога) лечились от скуки с помощью карт, кутежей и любовных приключений, то их современным собратьям требуются значительно более мощные стимуляторы – стимуляторы эпохи инноваций, высоких технологий и безудержного технического прогресса. Один из таких стимуляторов – так называемый роупджампинг – прыжки со свободным падением и последующим зависанием на системе из альпинистских веревок и снаряжения. Их совершают с высоких мостов, крыш небоскребов, заводских труб, обрывов или скал. Если позволяет высота объекта, то даже с помощью парашюта, что мне как раз и довелось лицезреть. Условия Качи-Кальона вполне подходят для этого.

Поистине в мире ничего нет случайного, и как важно уметь увидеть это и, главное, понять, с какой целью оказываются рядом, казалось бы, чуждые друг другу явления или поступки. Мы, православные люди, называем это вразумлением Господним.

² Мажоры – так называемая «золотая молодежь». Видимо, часть пресловутого «золотого миллиарда».

Дело в том, что Качи-Кальон облюбовали не только приверженцы экстремальных видов спорта, но и монахи. Причем чернецы сделали это значительно раньше – в конце VIII века. Именно в это время была сооружена первая церковь древнего христианского монастыря, основанного в этих местах неизвестными богомольцами. Место выбрано не случайно – обилие гротов и пещер естественного происхождения позволяло решить многие, выражаясь современным языком, инфраструктурные проблемы. Инокам было где жить и молиться. В самом большом из гротов издавна бил источник, кристально чистая и очень вкусная вода которого считалась целебной.

От Большого грота (он называется еще и Церковным) вид открывается такой, что, и не умея, начнешь сочинять стихи. Люди, селившиеся здесь с древнейших времен, слагали об этих местах красивые и трогательные легенды. В одной из них, дошедшей до наших дней, рассказывается о том, что в пещерах Качи-Кальона в незапамятные времена прятались мерзкие чудовища и змеи. Люди их боялись и с наступлением ночи запирались в хижинах, загнав скот в хлев. На краю деревни жила вдова с дочерью Анастасией. Мать пасла козлят и ягнят, дочь ей помогала.

Однажды вечером, когда их стадо спускалось к селу, выскочило многолапое чудовище и, схватив одну из овец, потащило ее к пещерам. Не испугалась

Анастасиевский скит. Перспектива

Анастасия Узорешительница

Бисерный храм. Аналой

Бисерный храм. В шаге от Спасителя

девочка зверя, бросилась было спасать овцу, но поскользнулась на камне и, хромая, стала медленно спускаться к дому. Тем временем стемнело. Окружили ее и до смерти замучили страшилища. Кричала она так громко и жалобно, что не выдержали скалы, попадали со сводов пещер камни, похоронив под собой и девочку, и мерзких чудовищ. А утром поднялись жители деревни в грот и видят: скала плачет, сочится из нее вода, как слеза. Позднее источник был освящен в честь святой великомученицы Анастасии Узорешительницы. Ее имя получил и основанный здесь монастырь.

Первыми насельниками монастыря были выходцы из Византии, вынужденные бежать в Таврику, спасаясь от преследований иконоборцев. В Качи-Кальоне, среди потрясающей своей красотой природы, в царящем здесь безмолвии поборники чистоты православной веры получили возможность сосредоточенно, усердно и безопасно служить Богу.

Почитание святой Анастасии Узорешительницы пришло из Константинополья на юго-запад, юг и северо-восток Европы в VI – VIII века. На островах Греческого архипелага и юге Италии,

Сицилии и Кипре, Сардинии и Ближнем Востоке, как и в Крыму, стали появляться монастыри во имя этой святой. Разумно и промыслительно было испросить защиты для этой обители именно у святой Анастасии Узорешительницы – покровительницы гонимых за веру христиан, которая, как показала история монастыря, не раз помогала им в испытаниях и лишениях.

В наши дни численность братии Анастасиевского скита (исторического наследника монастыря св. Анастасии Узорешительницы) невелика: вместе с игуменом иеромонахом Дорофеем семь человек и до тридцати трудников в летнюю пору.

Настоятель и братия заботливо украшают свой главный храм, построенный в византийском стиле. С Божией помощью им удалось освоить и наладить совершенно уникальный, высокохудожественный и подлинно народный промысел – бисероплетение. Среди многочисленных лампад ручной работы не найти и двух одинаковых. Достаточно войти в главный храм Анастасиевского скита, и сразу понятно, почему его часто называют Бисерным храмом.

Когда я первый раз подошел к нему, меня охватило сильное волнение. Показалось, что храм не материален, а каким-то непостижимым образом висит в воздухе в виде некой лазерной голограммы. Такой фантастический эффект был вызван множеством переплетающихся разноцветных бисерных лампад и крестов, которыми украшен вход. Я чуть ли не физически ощущал тепло, исходящее от храма. До чего же было покойно и мирно моей душе!

Побывав в Анастасиевском скиту, я еще раз убедился в том, как щедро одаривает Господь тех, кто терпеливо, мужественно и последовательно идет к Нему. В общении с Богом, в стремлении к единству с Ним человеку открываются не виданные в нем ранее таланты, и его руки, укрепляемые и направляемые молитвой, начинают сами участвовать в создании чудес. И становится ясно: чтобы хоть раз почувствовать себя ангелом, совсем не обязательно забираться на высоченную скалу и прыгать оттуда с парашютом.

*Москва – Симферополь –
Бахчисарай – Москва
Октябрь 2014 г.*

Немецкий сон

*Не две ли малые птицы за копейку
можно было купить в воскресенье
на Таганке, в левом углу...*

Никифор с Дуней по грибы пошли, Никифор красноголовиков нашел, а она по полянкам бегала, устала, у Дуни в лукошке – голубые цветы, нежные голубки.

Черный дрозд рассмеялся, или это певчий дрозд так смеется? Никифор пытается найти среди ветвей птицу и разглядеть, но дрозд уже перелетел на другую сторону поляны и рассмеялся там в два раза тише. Дроссель.

Пеночка-трещотка. Луговой конек. Зарянки с разных сторон рассыпают свои серебряные бубенчики, и вдруг, как огромное невиданное дерево в этом раю звуков, быстро и уверенно прорастает веселый вальс. (Народная, веселая музыка, бабушка вальса). Звуки вальса нарастают, нависают могучими ветвями, и на поляну выкатывает необыкновенная кавалькада.

Никифор крестится, а Дуня открывает рот...

Немцы. В гору идут, с горы в телегах едут. Остановятся под горой, в речке помоются, поедят и дальше идут на заходящее солнце, шурясь, идут и едут на своих телегах в землю, обетованную Екатериной. Телеги самые простые, добротные, есть и какие-то таратайки, повозки полегче. Все они завалены холщовыми узлами и сундуками. Таратайки в Тар-тарарию.

Кёлер, Мюллер... Шмидт в темпе вальса идет за телегой, в котомке за спиной у него кот от чеснока задыхается, вертится, котомка шевелится, кот куврыкается. Ничего, как на холм взойдут, развяжет Иоганн свой мешок, даст коту отдышаться. И не кот это вовсе, а кошка, и не Ваня это пока еще, но уже почти Иван, Йохан Гаспар Шмидт.

Угольщик, мельник, кузнец.

Что движет ими? Нечто посулили им? Что придало им смелости и сил пуститься в столь нелегкий путь? Обещана земля и небольшой подъем, но, может быть, присутствовал особый дух? Решиться – и отправиться пешком за тысячи верст на восток...

Гюнтер вечерами играет на лютне, а днем на флейте. Одна струна на лютне оборвалась, а он не унывает, знал, видно, Гюнтер, что надо брать с собой в поход. В обозе едет клавикорд, похоже, что от тряски он давно приехал, и больше все молчит наш клавесин, лишь встретившись с крутым ухабом, больно диссонирует и какофонит, не зная ничего про атональный звукоряд Шенберга. Зеленый холм перетянут светлой лентой немецкого обоза...

Не станет Ваней Йохан, оказавшись в поволжском раздолье, и все потомки его не

обрусуют до самых большевиков, так и не узнают русского языка, будут ходить в немецкие шулен, в поволжских кирхен будут пальцы рук сжимать в кулак молитвы...

Помни всегда эту небольшую живопись нашего Готлиба. Бегство в пустыню Египетскую. Вперед неси тайную молитву, словно малое дитя прижимая к груди, скрывая от всего, что по пути встречается, сквозь годы, карнавал и рынок, скрывая даже от самой пустыни...

Йохан Гаспар покачивается на телеге, отца заветы вспоминает, старого доброго фогельзангмайстера. О деньгах отец его никогда не думал, все излишки на книги тратил. Только братьев у Ивана четверо, какое там наследство, у старика есть лишь маленькая лавка, где продаются певчие птицы...

Веселые чижи с чечетками, щеглы, клесты, снегири, зеленушки. Клетки с птичками зерноядными – на одной стене, а славки, варакушки, завирушки, горихвостки и заряночки – насекомоядные – по другую сторону. Высокая легкая стремянка, пальма в кадке, китайский вольер с вороном Крабом, кладовка с кормами и птицеловными принадлежностями, два крепких крестьянских стула и старое канапе – вот наш магазинчик на тихой улице в городе с красными крышами...

Прощайте, розы на окнах! Вишневые крыши Гессен-Дармштадта, прощайте навсегда! Прощай, мой старший брат Ханс! Ты с утра до вечера пропадал в полях и рощах, ты наловил всех этих птиц, которыми наполнен магазин нашего отца, ты можешь весь вечер проводить здесь время при свете масляных светильников. А я так не могу, из всех нас этот дух птичьей ловли поймал именно тебя, этот магазин по праву должен принадлежать тебе. Прощайте, крыши оранжево-вишневые!

У кого-то в мешке кот с чесноком, у кого-то свинины вяленой шматок, а у кого и кисти, краски, пузырьки с составами. Свертки многоценной бумаги китайской, флорентийской и еще специальной, грубой, но удобной для набросков углем и сангиной...

Иван что тот мальчик-с-пальчик, самый младший, да смышленный. Немой ум, а все ж словесный, понял, смекнул, что смысл ему в наследство достался, смысл, нечто нематериальное, но такое, что и поважнее материального всего. Когда он в землю обетованную войдет, тогда сами собой найдутся какие-нибудь сапоги-скороходы, лишь бы дойти...

Слава врачей, химиков, алхимиков и мастеров целебных порошков плывет в Россию... Первая немецкая аптека при Петре. Немецкая слобода в Москве. Немому врач лечит немотой. Вот новая, Екатерина прививка, наш обоз, пятьдесят тысяч душ, эксперимент кристально-призрачного времени. Обоз наш самый крупный, но не

единственный, часть какая-то в Крым, немало немцев перешло и в Курляндию...

Екатерина смотрит в окно. Екатерина, первая в России, сделала себе прививку от оспы и смотрит в окно...

В обозе и живые, и бессмертные, люди и души, Гюнтер со старой лютней, Моцарт с волшебной флейтой. Гёте ругался с Человеком-птицей...

Пока телеги, подмазанные лотарингским жиром, плывут в сказочную страну на востоке, Гёте – шестнадцать лет, Моцарту – восемь, Шиллеру – четыре, через два года умрет Георг Филипп Телеманн...

Одна телега потерялась. Все общаются в дороге, только о чем они говорят, почти не ясно. Вальс закончился, лица у всех грустные. Сами не знают, в какую сторону плывут. Корабль чудаков. «Нарреншифф» Себастьяна Бранта.

Наш нарреншифф плывет в шлараф-фенланд. На границу Московии с Тартарией, в места лихих атаманов. Как охраняется обоз? Кем? Есть ли под тюками деревянные ящики с аркебузами, мушкетами, ружьями и шпагами?

Нет деревьев, степь пошла... В это же время мы разбираемся еще и с Калмыцким Ханством...

Екатеринин замысел чем-то похож на крестовый поход. Думать, что наш крестьянин ничем не отличался от немецкого, – отказывать Императрице-матери в благонамеренности замысла. Лапоть об лапоть как ни бей – нет звука такого булькающего, как деревянным башмаком о башмак. Бах, Шуман, Глюк, Бетховен. Карл Мария Фридрих Эрнст Август фон Вебер. Обоз новейших композиторов катится туда, где нежно по крюкам поют...

У немецких переселенцев более совершенные орудия труда, первые деревянные сельскохозяйственные машины, столь удобные для обработки земли, но Пугачева сельское хозяйство не интересует, его ребята берут Саратов, здесь и там валяются шляпы какие-то заграничные...

Йохан чудом уцелел. Уцелили дневники Дюрера. Пушкин умолчал обо всем этом, ведь ни в «Капитанской дочке», ни «В истории пугачевского бунта» и слова нет ни о каких поволжских немцах. В дневниках Дюрера описывается всякая мелочь из сундуков нашего обоза. Дело в том, что Альбрехт Дюрер тщательно фиксировал всю материальную реальность, его окружающую. Художник описывал каждую баночку с краской, пузырек, карандаш, пуговицу и иголку, обязательно указывал цену этой иголки или бумажного листка, щепотки, элемента, кусочка, перышка, нитки и самого ничтожного гвоздя. Занимательный дневник...

Как ни смотри на загою Императрицы: как на тактическую или как на культурно-просветительную – ясно, что и дошли они, и осели. Детей нарожали, хозяйство подняли,

пусть долго жили изолированно, но в итоге все равно ассимилировались, стали с нами чем-то одним. Кузнецовы, Мельниковы...

Как после ливня шквального, июльско-го, все смешалось: и краски, и кони, и волосья, и листья! Солнце вышло – от всего обоза пар идет, наш дождик – немецкий парок. Художник спокоен: он хорошо закутал ценную бумагу для рисования...

В 1764 году Йохан Гаспар пришел наконец в Поволжье, женился на Марии, и родился у них Йохан Генрих, у него родился Андрей, сыном Андрея стал тоже Андрей, чья дочь Отилия – мать моей бабушки Нины Иогановны. Отец ее, прадед мой Йохан, был провизором, закончил Казанский университет, аптеку имел в городе Балаково.

Короткая история немца в России. Герой анекдотов, смешной гастарбайтер наших классиков. Корни давно пустил, а все – гастарбайтер. Лютеранин в то время – это почти то же самое, что для нас сегодняшних – свидетель Иеговы, только немой.

Как обратное направление верхнего ветра, как музыка с хоров, это возвращение наших светлейших принцев к невестам из города с красными крышами. Самый обычный орел на кругах в нашем небе, какой-нибудь канюк или сарыч канючит в середине лета как ветхая память, обрывки которой хранит символика наших гербов...

Во время войны мою бабушку выселили из Москвы в Томск: из немцев – неблагонадежная... Четырехлетний мой отец оставался в Москве без мамы. Она была обыкновенной учительницей рисования в обыкновенной школе. Тому, кто был задействован в системе чуть серьезней, светил, как правило, лагерь.

Телега на пустынном берегу, корабль плывет. Немецкий ученый, океанолог, изучавший медуз, ввел впервые в язык мировой науки такое понятие, как экология.

Среди пассажиров корабля мы разыщем тех, кто придумал кольцевать птиц для изучения их миграционных путей, тех, кто построил на Куршской косе крупнейшую в Европе птицевольную научную станцию. (Поблизости домик Томаса Манна). Сегодня миграции птиц хорошо изучены, существует множество карт.

Как до дома долететь, избежать сосуда птицелова? Как отечество определить, идентифицировать? По языку? По сути? По сути – человек приходит к «внутреннему человеку», к апостольскому словосочетанию. По информации. По вести. Совести...

Поволжские немцы обрусели лишь в двадцатом веке, когда красная метла хорошенько прошлась по местности. Это язык и время постепенно превратили многих лютеран в православных? Господь все это делает. Язык определяет твою этническую принадлежность, а слово – выводит и за границы национальности, массовой культуры и не

массовой, представлений и обычаев, за границы того, с чем все давно согласилось...

Без апостольского вразумления не проводишь взглядом яркий корабль, не отправишь звучащий поезд в одну сторону, а сам не поспешишь в другую, в Безмолвную Страну. Царство тишины Твоей. Царство тишины Твоей, Слове Божий. Здесь радость Твоя чистая, Боже мой. Радость, воссылающая благодарение. Во Христе уже не важно, немец ли ты, русский, скиф или эллин...

От лютеранства, от свидетелей Иеговы душа в поисках правды по ангельской стремянке попадает в арсенал небесный. Если к Игнатию Брянчанинову обратиться, меч сразу встретишь, а если к Нилу Сорскому – то новейшую тактику мягкой силы.

Преподобный Нил обратил арсенал в хлеб. Во времена Нила тоже были свои свидетели новых времен, жидовствующие, их сжигали как правило, а Нил жалел, говорил, надо просто, проще, прощать и любить, не ругать, а помогать добрым словом. Словом теплым с солью. Все поверили Нилу – и постепенно не стало секты жидовствующих. Нил привил невидимый росток оной маслины...

Слово Игнатия Брянчанинова дорого тому, кто восчувствовал ценность покаяния. Святитель Игнатий Брянчанинов – последний, может быть, святой писатель о человеческой жизни...

Как духоиспытателю в духах разобраться? Ни глаз поднять, ни издали взглянуть не достойны, но Тебя, во плоти пришедшего, исповедуем, негодные...

Душа живая ищет Бога, отечество. Отечество – одно со святоотечеством. Без изучения духовных книг человек не узнает путеводных слов, а слово выводит человека за дверь. И слышишь те же самые слова, только они звучат уже по-новому...

Наша немощ и немощ духовная. Блажен осознавший немощ свою, он исполнил первую заповедь нагорной проповеди. По мере осознания собственной немощи станешь количеством молитв увеличивать, логика несложная. Клюка немощных, это не сказка, это тонкий невидимый предмет, атрибут путника духовного, умозрение о непрестанной молитве...

Когда у нас нет времени думать о том, что такое сердечный труд, когда мы не различаем горних и дольних понятий в родном языке, мы перестаем искать Слово Несомненное, мы забываем Тебя. Помоги нам помнить, прости нас, грешных...

«Восвояси пора», – сказал Никифор Дуне и направился за занавес листвы. Поспешая за Никифором, Дуня оглядывалась во все глаза, пока видений ярких кавалькада не скрылась окончательно за стволами деревьев. В светлых березовых кронах сильным флейтовым голосом иволга отмеряла паузы, и в этих паузах потрескивала ветка, шуршали в траве шаги двух людей, идущих по лесу.

ЛАМПАДА

В вашем доме

Подпишитесь на журнал для тех, кто стремится к Истине

ИЗДАНИЕ ХРАМА

ИКОНЫ БОЖИЕЙ МАТЕРИ «ЗНАМЕНИЕ» В ХОВРИНЕ

Узнать о свежем номере и познакомиться с архивом журнала можно

на нашем сайте lampada-press.ru

или на сайте храма www.znamenie-hovrino.ru

Одобрено Синодальным информационным отделом Московского Патриархата
(Свидетельство № 228 от 10 декабря 2012 г.)

**НА 2015 ГОД ВЫПИСАТЬ «ЛАМПАДУ» МОЖНО
ТОЛЬКО ЧЕРЕЗ РЕДАКЦИЮ**

«ЛАМПАДА» продается в книжных лавках московских храмов:

Благовещения Пресвятой Богородицы в Петровском парке	апостола Иоанна Богослова в Бронной слободе
Анастасии Узорешительницы в Теплом Стане	свт. Климента, папы Римского
св. мц. Татианы при МГУ	Успения Божией Матери в Казачьей слободе
Воскресения Словущего на Успенском Вражке	Книжный магазин «Книжница» Дома русского зарубежья
Воскресения Христова в Сокольниках	Новомучеников и исповедников Российских в Строгине
Всех Святых б. Ново-Алексеевского монастыря	Всех святых во Всехсвятском
вмч. Георгия Победоносца в Коптеве	Всемиловитого Спаса в Митине. Патриаршее подворье
Иверской иконы Божией Матери на Всполье	Рождества Христова в селе Рождествено (Митино)
иконы Божией Матери «Знамение» за Петровскими воротами	Преображения Господня в Тушине
Новоспаский ставропигиальный мужской монастырь	Иконы Божией Матери «Знамение» в Аксиньине
прп. Алексия, человека Божия, б. Ново-Алексеевского монастыря	Прп. Сергия Радонежского в Бусинове
Рождества Пресвятой Богородицы в Крылатском	Троицы Живоначальной при бывшей Черкасской богадельне, патриаршее подворье
Троицы Живоначальной в Хорошеве	прп. Алексия, человека Божия в Крылатском
Троицы Живоначальной в Хохлах	Богоявленский кафедральный собор в Елохове
Троицы Живоначальной в Орехове-Борисове	Казанской иконы Божией Матери в Коломенском
Покрова Пресвятой Богородицы в Измайлове	Свято-Данилов ставропигиальный мужской монастырь
Сошествия Святого Духа на б. Лазаревском кладбище	Донской ставропигиальный мужской монастырь
Спаса Нерукотворного Образа в селе Котово	Воздвижения Креста Господня в Алтуфьеве
Сретенский ставропигиальный мужской монастырь	св. ап. Иоанна Богослова «под Вязом»
Тихвинской иконы Божией Матери в Алексеевском	Воскресения Христова в Кадашах
Успения Пресвятой Богородицы на Успенском Вражке	свт. Иннокентия, митр. Московского в Бескудникове
царевича Димитрия при Голицынской больнице	прп. Сергия Радонежского
Троицы Живоначальной в Останкине	в Крапивниках
свв. апп. Петра и Павла на Новой Басманной	

ISSN 2225-0271

Русская Православная Церковь

ISSN 2225-0271

Храм иконы Божией Матери
«Знамение» в Ховрине

ДАМПАДА

ЖУРНАЛ ДЛЯ ТЕХ, КТО СТРЕМИТСЯ К ИСТИНЕ

№ 2 (101) 2015
март — апрель

**Тема номера:
ВСЕГДА ЛИ ВОЗМОЖНО
ПРИБЛИЗИТЬСЯ К БОГУ?**

- Положить душу свою за други своя
- Поперечный батюшка
- Письма, спасающие душу